

Андрей
БАРАНОВ
ПАВЕЛ И АВЕЛЬ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

Андрей Баранов Павел и Авель

Серия «Необыкновенные приключения графа Г. на сломе веков», книга 1

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4989883*

Аннотация

Исторический детектив с мистикой, похождения графа Г. и его приятеля Морозявкина, а также служащей Тайной экспедиции девицы Лесистратовой при дворе императора Павла I, история загадочной пропажи предсказаний знаменитого пророка монаха Авеля и не менее загадочного возвращения оных в Россию после массы приключений в европейских столицах. Любовь графа к княгине Ольге и постоянное вмешательство Черного Барона, умеющего останавливать время, окончательно сбивают с размеренного хода российскую историю.

Содержание

Глава 1, затравочная	4
Глава 2, интригующая	13
Глава 3, придворная	18
Глава 4, в которой герои встречаются с таинственной незнакомкой	32
Глава 5, волшебная	45
Глава 6, хозяйственно-святочная	62
Глава 7, в которой граф Г. впервые слышит про Черного барона	89
Глава 8. Галопом по Европам	104
Конец ознакомительного фрагмента.	109

Андрей Баранов
Павел и Авель
*Исторический роман о
славном графе Г. и его
странствиях в эпоху
императора Павла I*

*Посвящается всем любителям Гиштории
Российской*

Глава 1, затравочная

Черной-черной ночью зимы 1796 года по заснеженной дороге на вороной лошади ехал граф Г., днем любимец публики и в особенности прекрасных дам. Граф был не то что бы красавец, но исключительно хорош собой. Правда сейчас, под покровом малолунной ночи, это не было столь заметно, но уж поверьте мне, дорогие читательницы, на слово. Ехал он из пункта А в пункт Б... то есть из родового селения прямо во царский во дворец.

На дворе как раз наступал загадочный и таинственный

XIX век, и князь Александр Куракин, новоизбранный вице-канцлер милостью его императорского величества Павла I, неожиданно вызвал графа к себе пред светлые очи. Когда его сиятельство одиноко отдыхал в родовом замке в деревне Кренделябрино, развлекаясь всего-навсего с парой веселых служанок, неожиданно заржала лошадь – это прискакал посыльный. Мрачный фельдъегерь из вновь образованного особого фельдъегерского корпуса, призванного заменить при доставке государевой почты армейских офицеров, используемых для сего дела еще со времен Петра I, вручил графу в собственные руки послание канцлера, и был таков.

То есть весь, можно сказать, исторически выстраданный кайф опять обломали – изволь надевать ботфорты, бери шпагу, садись в седло и скачи за тридевять земель. Опять его Величеству что-то нужно, зело непонятное. Однако граф Г. с его прекрасным образованием, замечательным воспитанием и огромным самомнением был не чужд тяге к приключениям и романтике. И если уж подвернулась возможность внести очередную лепту в историю государства Российского – грех было не воспользоваться такой оказией.

Вот поэтому и приходилось трястись в жестком седле красной кожи, и переться напролом в темную ночь, когда, как известно никто не может вам помочь. Но не искать приключений на свою красивую голову и остальные члены ладного своего тела граф никак не мог – ему было скучно.

Кроме того, его императорское величество, вступившее

на престол после смерти матушки своей Екатерины II, резко усилило борьбу за дисциплину среди дворянства, и выбирать особенно не приходилось. Сказать императорскому посланнику «ах, извини – я занят» было равносильно если не пуле в висок, то жестокой опале – ходили слухи, что Павел I вполне мог из собственных ручек набить морду, сорвать эполеты и отправить в Сибирь.

Тогда уже приближалось время, когда дежурный фельдъегерь с «экстраординарным особым повелением» являлся к тому или иному «счастливцу», арестовывал его и незамедлительно препровождал в места не столь отдаленные, с сохранением в тайне его дальнейшего местонахождения. Офицеры, не соизволившие явиться по высочайшему повелению в военную коллегия, вышвыривались из армии. Палочная дисциплина процветала, дворянские вольности отменяли одну за другой. Свободолюбивый характер графа Г. никак не позволял ему расставаться с вольностями и посему приходилось отрабатывать Императору и его слугам, так сказать, натурой. Правда тогда император только-только успел усестись на престол, и не проявил еще в полной мере своего вошедшего в историю замечательного характера, но по тем немногочисленным штрихам, которые он уже успел нанести на исторических холст, искушенному зрителю – а граф Г., несомненно, причислял себя к таковым – нетрудно было узреть всю картину в зловещей ее полноте.

Но, что гораздо важнее, приключения были ужасно инте-

ресны. Они разнообразили пресно-сытую графскую жизнь и заставляли кровь быстрее бежать по жилам. Было крайне любопытно непосредственно участвовать в истории государства Российского, о величии которой ему школяром все уши прожужжали. Правда выйдя из нежного розового юношеского возраста и оглянувшись вокруг, граф сообразил, что кажется розовым было далеко не все. Кое-что было и вовсе красным – от крови и коричневым от грязи. Крестьяне жили в сущности как последние скоты, нимало не понимая величия державы, в которой обитали и гражданами коей являлись. Крепостное право почему-то так и не сделало из них полноценных членов общества. Латынь, математика и философия растворялись в русской действительности как сахарные крупинки в кипятке.

Что же касаясь до великих дел, то графу иногда казалось, что все величие кончилось вместе с годами его юности. Матушка императрица Екатерина II, отошедшая недавно в мир иной, правила Россией больше трех десятков лет. Покоренье Крыма и усмиренье дерзкого Емельки Пугача вознесли царскую корону в неведомые выси, где ей и надлежало оставаться, однако смерть императрицы все изменила. Наследник престола решил перетряхнуть государство российское как старое, траченное молью и поеденное мышами одеяло, и с этой целью незамедлительно призвал к себе из деревни старого друга детства Сашку Куракина, произвел того в вице-канцлеры и действительные тайные советники и осыпал

многочисленными милостями, орденом св. Андрея Первозванного и золотым дождем. Однако все это не объясняло графу Г. причин его вызова в Петербург. Граф вздохнул, пожегся, сбил с плаща снежинку и поскакал далее, навстречу судьбе. Он всегда скакал навстречу судьбе, полагая, что бежать от нее унизительно и не достойно дворянина.

В это же время и по той же дороге, но в противоположном направлении следовал недоучившийся студент Морозьявкин. Имя его было Владимир, но сам он любил называть себя Вольдемаром. Он был вечный студент и странник. Во времена обучения его в Московском Университете, основанном графом Шуваловым, любимцем государыни Елизаветы Петровны, он хотел постичь всю бездну познания и залиться светом Истины с головы до пят. Много воды утекло с тех пор, Морозьявкин успел побывать и на философском, где начиналось общее обучение, и на юридическом, и даже на медицинском факультете, но ни одна наука так и не удостоилась особой его любви.

В указе об образовании университета было прямо указано – «для генерального обучения разночинцев», и Морозьявкин был самым разночинным из них. Еще великий Михайло сын Ломоносов утверждал, что в университете тот студент почтеннее, кто больше научился; а чей он сын, в том нет нужды. Морозьявкин привык до всего доходить своим умом и учился прилежно, но непостоянно. Беспокойная натура бросала его по свету из одного конца империи в другой, и даже завела

однажды за границу.

Уже и в те времена наиспособнейших студентов временами посылали в западные университеты, дабы сдобрить их образование. Морозьявкина тоже послали, и очень далеко – аж во Францию. Там, во французской чужой стороне, ему и предстояло учиться в университете именуемом Сорбонна, грызть гранит науки и преумножать кладезь познания, но на месте он опять не усидел. Странствуя по Европам, он присоединялся то к Лейденской, то к Лейпцигской колонии аристократов, которые состояли из детей богатых и влиятельных родителей.

В Лейдене и Лейпциге расцвет колоний уже подходил к закату, и к бывшим аристократическим гнездам примазывались различные разночинцы вроде Морозьявкина, удивлявшие графских сыновей своей выносливостью в смысле питания. Фамилии Куракина, Нарышкина, Апраксина, великого Радищева в разные годы перемешивались там с простонародными – впрочем причиной тому часто была привычка молодых русских дворян брать себе псевдонимы вроде Борисова или Мещеринова, так что Морозьявкин не выглядел белой вороной, тем более что на княжеских пирушках пил за четверых, а ел за пятерых, что однако никак не отражалось на его худой фигуре вечного аскета.

Как раз в это время Вольдемар понял, что в Питере ему более ловить решительно нечего, и скорым шагом направлялся по зимней дороге прочь из столицы, путешествуя ради

экономии пешком. Зорким глазом он разглядел скачущую ему навстречу фигуру графа Г., и стал размышлять, как и чем тут можно поживиться. Финансовое состояние Морозьявкина было таким же плачевным как у Пензенской губернии. Последние копейки жалобно звенели в карманах, мороз пробирал сквозь худой плащ до костей, спасала только быстрота шага.

В стольном граде он промышлял медициной и цирюльным делом, а также читал философические лекции скучающим барышням. Однако после того, как некоторые барышни настолько увлеклись философией Морозьявкина, что оказались в интересном положении, Вольдемара перестали подпускать к приличным домам на пушечный выстрел. Лечебные пиявки, которыми он лечил все болезни, от ломоты в костях до поноса и запоя, тоже сочли немодными.

В моде были немецкие доктора и французские учителя, и хотя Вольдемар уверял всех и каждого, что он практически француз и только злой волею судеб вновь оказался в России, это не помогало. Ему пришлось почти бежать. Грибоедов тогда еще не написал свое знаменитое «Горе от ума», так что Морозьявкин никак не мог процитировать «Вон из Москвы, сюда я больше не ездок», тем более что речь шла о Санкт-Петербурге, но он ринулся искать где оскорбленному чувству есть стакан вина и червонец взаймы, о чем Антоша Чехонте напишет еще позже.

«Судя по виду важная птица», – подумал Морозьявкин

мрачно. «Шпага в три сажени длиной, брошусь – проткнет как цыпленка». Сия перспектива ему решительно пришлась не по нраву, поэтому он избрал иную тактику.

– Месье! Господин! Ваше сиятельство! – забормотал он скороговоркой, отскочив на обочину дороги и отчаянно взмахивая руками. – Князь, подайте на пропитание бедному ученому страннику! Путешествуя по миру, превзошел я все науки, и лишь одного не хватает мне – средства, чтобы сотворить философский камень! Купите секрет философского камня, сударь, и вы век будете богаты, здоровы и счастливы! Отдам рецепт за десять червонцев – почти даром!

Граф приосадила лошадь и сердито нагнулся к оборванцу, попутно выдергивая из ножен шпагу.

– Прочь, негодяй! По пятницам не подаю!

– Да разве сегодня пятница, сударь?

– Да еще какая! Святая пятница, как говаривал король Генрих Наваррский...

При этих словах Морозявкин вздрогнул и стал всматриваться в фигуру графа.

– Накажи меня адский сатана! Мишка, неужто? Вот те раз! Мишка!

Граф всмотрелся в оборванца попристальнее.

– Вольдемар!? Хиромантом заделался???

– Нет, святой Петр-великомученик! Неужто не признаешь старого однокашника!? Вот стервец!

– Ой, признаю, признаю! Рад, душевно рад! Как дела

твои?

– Дела мои скорбные, коллега. Разуй глаза! При каких делах человек пешком прется из Питера куда глаза глядят по зимней-то стуже да в эдаком отрепье?

– Да, житье твое видать неважноецкое... И как дошел ты до жизни такой? Что йто тебя так придавило?

– Все тебе, другу сердешному, поведаю! Если угостишь рюмочкой! Вон и трактир как к стати дымит трубой. Гоу, гоу!

И нежданно обретшие друг друга закадычные в студенческом прошлом друзья направились в придорожный трактир.

Глава 2, интригующая

В трактире было тепло и уютно, а главное – сухо. Если бы наши герои могли предвидеть будущее, особенно будущее рекламного дела, они наверняка бы поняли, что это самое важное. Но и без того многое было понятно – что в тепле приятно сидеть, а за окнами воет метель и собачий холод. Устроившись за дальним столом, приятели заказали себе вина и поджарку, платил, разумеется, граф. После первого стакана разговор почему-то пошел куда как складнее.

– Значит графствуешь помаленьку? – поинтересовался Морозявкин.

– Как видишь. Я ведь граф по наследству, не абы как. Мне наслаждаться жизнью положено от бога. Сiju в замке своем, и, понимаешь, так вот и графствую – пирую, веселюсь и все прочее. А ты как пристроился?

– Никак. Болтаюсь как цветок в проруби. Мои пиявки и медицинские советы всем опостытели, да и мне самому, признаться, тоже. Только и осталось что писать стихи как Франсуа Вийону! Костное общество изгнало меня из северной Пальмиры и я, скиталец, иду искать теперь что-нибудь поужнее!

– погоди, не торопись! – граф вальяжно взмахнул белой и сильной рукой, будто бы останавливая товарища. – Стать поэтом-разбойником как месье Вийон ты всегда успеешь. Я

как раз направляюсь в Санкт-Петербург...

– Да, вот кстати, что ты-то забыл в этом болоте ханжества и серости? Неужто графствовало тебе плохо? Иль свобода молодецкая более претит??

Морозявкин ловко налил себе и графу еще по стакану, осушил свой наполовину в два глотка, подцепил кусок мяса, сжевал его и показал язык своему отражению в окошке. Засим разговор продолжался.

– Этого я не могу открыть тебе вот так, сразу, хоть ты мне и друг. Ведь друг же?

– А то! Да у тебя такого закадычного приятеля как я вовек не было и не будет! Ты, я да Сашка Надеждин – вот кто наводил ужас на все кабачки доброй старой Франции от Парижа до Тулузы! Тот кабац где нас не было, должен быть удостоен памятной поэтической надписи!

– Ну не сомневаюсь, ты что-нибудь да придумаешь! – Граф Г. улыбнулся. – А помнишь, как мы чуть не проломили голову кабатчику в «Золотой устрице» бильярдным кием?

– А то как же! Он еще кричал нам: «Убирайтесь прочь, русские свиньи»! – Морозявкин зашмыгал носом от нахлынувших воспоминаний. – А Сашка Надеждин дрался с тремя слугами сразу, аж сломал об них табурет от усердия! А тебе глаз подбили, ты и шпагу вытащить не успел...

– И не говори, суки, псы подзаборные, – граф потемнел лицом. – Я бы их всех переколол, если б не внезапность атаки!

– А наши науки? – Вольдемар решил сменить тему. – Все эти понятия из экспериментальной физики, коренные причины необычайных феноменов, каковые случаются в природе, и люди не в силах объяснить!

– Нельзя объять необъятное! – Граф вздохнул. – Но в науках есть своя неизъяснимая прелесть...

– А мораль? А логика? – Морозявкин допил бутыл. – Помнишь, как объясняли нам правила морали и поведения, основанные не на том, что понятно только ученым мужам, а на том, что принято в мире так, как он есть, в мире, в котором и надлежит жить?

– Да, многие познания мы могли приобрести за границей! Однако, вижу что тебя уж развезло?

– Отвык от доброго вина, доходы наши, увы, не графские! – объяснил Морозявкин.

Приятели взяли еще пару бутыльонов и закусили горячими колбасками. Вьюга за окном казалась уже не злой мачехой, а доброй нянькой, напевающей колыбельную непослушному внуку.

– Сознаюсь, что до сего времени я жил лишь для себя, забывая цель моего Создателя! – Граф ударился в самокритику.

– А о целях добропорядочного гражданина ты не забыл! – грозно спросил Морозявкин, решив поддержать порыв.

– В сущности мы оба ушли от пути познания истины, я в праздность, а ты в мелочную суету бытия! Но фортуна да-

ет нам возможность исправиться! – Граф понизил голос и оглянулся.

– Что такое!? – громко прошептал Вольдемар и тоже оглянулся, хотя никому не было до двух господ дела.

– Я еду в Петербург к князю Куракину.

– Ба! То ж вице-канцлер! – Морозявкин наострил уши как собака на колокольчик мясника. – Сашки Надеждина ба-
тюшка!

– Да. Он должен дать мне поручение... Какое – неизвестно. Но...

– Но что? – вытаращил глаза Вольдемар.

– Но его надо исполнить! Это приключение... – граф снова перешел на взволнованный шепот, – это и есть поиск истины, понимаешь?

– Да уж, небось арестовать какого-нибудь несчастного прикажут, вот и все приключение! – Морозявкин был настроен весьма пессимистично.

– Это не графское дело! Я не жандарм какой-нибудь. Нет, если не ошибаюсь, тут дело поинтереснее будет. Но к черту детали! Ты едешь со мной или нет?

– А если побьют? Видишь ли, в столице у меня немало недругов... я слишком тесно сблизился с приличным обществом, особенно прекрасной его половиной и был изгнан прямо как посланник ада!

– Обещаю тебе свое покровительство! Друзья мы или нет? Едем!

– Ну раз ты так настаиваешь...! Но сначала еще по одной!

– На посошок!

Зазвенели стаканы, красная жидкость из них переливалась в желудки собутыльников и растворялась в крови, заставляя быстрее биться сердце. Пожалуй что и Д'Артаньян, спешивший в Англию за подвесками королевы, был не так возбужден, как наши приятели, направлявшиеся теперь вместе в столицу, а далее бог весть куда и зачем. Перспективы манили как внезапно найденный на столбовой дороге кошелек, в котором непременно должен был оказаться хороший куш. Так их застала ночь.

Глава 3, придворная

Остаток пути до стольного града Санкт-Петербурга наши путешественники провели в седле, причем в одном на двоих. На их счастье Боливар выдержал двойную ношу. Сначала граф Г. хотел купить Морозьявину какого-нибудь осла, дабы они походили на странствующих Дон Кихота и Санчо Пансу, но вовремя сообразил, что иметь дело с двумя ослами на одной дороге ему будет слишком затруднительно. Переночевав в трактире, поутру они отправились в путь и уже к вечеру конь, утапывая стальными подковами свежавыпавший снег, принес их к столичным воротам. Проникнув внутрь, граф Г. как всегда восхитился величием морозных улиц северной Пальмиры, проклял отвратительный питерских климат и солоноватую влагу, нагоняемую с Финского залива и висевшую в воздухе, и отправился напрямик во дворец князя Куракина, на Невский проспект, номер пятнадцать.

Дворец поражал своим великолепием. Гигантское не только по тем, но и по нынешним временам четырехэтажное здание, выстроенное в стиле русского классицизма, с колоннами на фасаде, располагалось на углу Невского и набережной реки Мойки и было достойно короля. Картины, в основном портреты в полный рост, в том числе и его императорского величества, золоченая мебель, гобелены – все, казалось, дышало величественным покоем.

Страхнув друга Вольдемара у входа, передав коня на попечение слуге и пройдя через анфиладу комнат, граф Г. вошел в услужливо распахнутые мажордомом двери и явил себя пред светлые очи князя Александра Борисовича Куракина. Вице-канцлер сидел за массивным столом резного дуба и на свои портреты нимало не походил. Крепкого сложения и эпикурейского настроения, даже на исподнем он носил бриллиантовые пуговицы, не говоря уже о глазетовом французском кафтане. Его взгляд был живым и не праздным, причем, как временами казалось, прожигал насквозь.

– Заходи, заходи, дружочек! Садись! Здравствуй!

– Не смею, ваше сиятельство! В вашем присутствии...

– Ну что ты, голубчик, что за церемонии? Мы не во дворце, к счастью. Опала моя нынче кончена, брат мой, как тебе видимо уже известно, назначен генерал-прокурором, и сам я наконец оставил свое деревенское существование. Вновь призван пред очи цесаревича Павла Петровича, ныне императора нашего!

– Детская дружба, как видно, не забывается, ваше сиятельство...

– И славные годы студенчества тоже, дружочек! До сих пор не могу забыть, как вы с сыном моим Сашкой куролесили по Европам и чего мне стоили ваши тогдашние шалости! Седых-то волос поприбавилось... вот здесь! – князь ткнул себя пальцем в шевелюру, которая правда была скрыта под париком.

– Но ведь и вы, ваше сиятельство, шалили в юности! – почтительно возразил граф Г, усевшись аккуратно на край стула и робко улыбнувшись.

– Шалил, меня даже сослали тогда, помню, в наказание из Петербурга в Лейден. Все время ссылки! – Князь улыбнулся. – Да что ты все заладил – сиятельство, сиятельное сиятельство! Зови просто – Александр Борисович, ведь я тебе в дядюшки гожусь. Это, наконец, даже обязанность твоя как признательного сына – ведь знал я и твоего батюшку, покойного графа. Как он желал, чтобы ты непременно имел в виду стать просвещенным гражданином, полезным для своего отечества!

– Я стремлюсь к этому день и ночь, Александр Борисович! – граф стал рассматривать кончики своих ботфорт с необычайным усердием.

Ботфорты, впрочем, ничуть не изменились, только слегка запылились. Князь обошел стол и подошел поближе к гостю.

– Стремишься? Что ж, в твоем стремлении есть благородное начало. Его надо развивать... Скажи, интересуешься ли ты гишторией российской?

– Гиштория российская, как известно, непредсказуема, ей можно интересоваться, но нельзя предугадать. Да к тому же познакомившись с европейской философической мыслью и общественными порядками, я, признаться, почувствовал некое отвращение к родным пенатам...

– – Экий ты сноб, братец! Истинно сноб и ленив душой.

А душа лениться не должна, она должна усердно трудиться день и ночь.

– Ночью моя душа трудится, ваше сиятельство! – кокетливо улыбнулся Г.

– Душа? Или что другое? Скажи на милость! – князь захохотал рокочущим басом всем довольного и уверенного в себе сибарита.

– Но перейдем к нашему делу. – отсмеявшись и сразу посерьезневши продолжил князь. – Видишь ли, дружочек, история вовсе не так непредсказуема, как кажется порой. Мой брат, генерал-прокурор Сената Алексей Борисович, разбирая важные бумаги, недавно обнаружил прелюбопытный документец. Вот взгляни – запечатан личной печатью его предшественника на сем важном для царства посту, графа Самойлова. Сия книга написана неким крестьянином Василием Васильевым, преужасным почерком и содержит многие тайны земные...

Допросы и ответы Авеля в канцелярии Тайной Экспедиции

Вопрос. *Что ты за человек, как тебя зовут, где ты родился, кто у тебя отец, чему обучен, женат или холост и если женат, то имеешь ли детей и сколько, где твой отец проживает и чем питается?*

Ответ. *Крещен в веру греческого исповедания, которую содержа повинуетя всем церковным преданиям и обще-*

ственным положением, женат, детей имеет троих сыновей; женат против воли и для того в своем селении и жил мало, а всегда шатался по разным городам.

Вопрос. Когда ты говоришь, что женат против воли и хаживал по разным местам, то где именно и в чем ты упражнялся и какое имел пропитание, а домашним пособие?

Ответ. Когда ему было еще 10 лет от роду, то и начал он мыслить об отсутствии из дому отца своего с тем, чтобы идти куда-либо в пустыню на службу Богу, а притом, слышав во Евангелии Христа Спасителя слово: «аще кто оставит отца своего и мать, жену и чада и вся имени Моего ради, той сторицею вся примет и вселится в царствии небесном», он, внемля сему, вящие начал о том думать и искал случая о исполнении своего намерения. Будучи же 17 лет, тогда отец принудил его жениться; а по прошествии несколько тому времени начал он обучаться российской грамоте, а потом учился он и плотничной работе. Поняв часть грамоте и того ремесла, ходил он по разным для работ городам и был с прочими в Кременчуге и Херсоне при строении кораблей. В Херсоне открылась заразительная болезнь, от которой многие люди, да и из его артели товарищи, начали умирать, чему и он был подвержен; то и давал он Богу обещание, ежели его Богу угодно будет исцелить, то он пойдет вечно Ему работать в преподобии и правде, почему он и выздоровел, однако ж и после того работал там год. По возвращении же в свой дом стал он проситься у сво-

его отца и матери в монастырь, сказав им вину желания своего, они же, не разумея его к Богу обета его от себя не отпускали. Он же, будучи сим недоволен, помышляя, как бы ему к исполнению своего намерения уйти от них тайно, и через несколько времени взял он плакатный паспорт под образом отшествия из дому для работы, пошел в 1785 году в Тулу, а оттуда через Алексин, Серпухов, Москву, пришел в Новгород, из коего водою доехал до Олонца, а потом пришел к острову Валааму, с коего и переехал в Валаамский монастырь, а из него в Валаамскую пустынь.

Граф Г. вчитывался в книгу тайн, разбирая запутанный почерк автора. У писарей тайной Экспедиции почерк был куда как лучше.

— Да ты не допросные листы читай, ты сами тетради рассмотри! В книге сей и о царствующих особах написано... Там и о смерти матушки императрицы упомянуто, угадал вещий инок! — Князь ткнул перстом с бриллиантом в одну из тетрадных страниц.

— Боже мой, в силах ли то человеческих? Да ведь книга сия писана смертною казнию! — воскликнул граф.

— Ну, не пугайся, пока не в тайной экспедиции. Хотя граф Самойлов, как я слышал, отвесил ему три пощечины, за то, что смел писать такие слова на земного бога... А он, разбойник, твердил, что секреты составлять научил его сам Бог. Вот и разберись.

– Что же сейчас с этим безумцем и жив ли он?

– Жив, жив! – успокоил князь графа Г. – Ея Императорское Величество указать соизволила онного Василия Васильева посадить в Шлиссельбургскую крепость, где он сейчас и обитает. Но это ненадолго. Брат мой Алексей показал записки всемилостивейшему нашему императору Павлу Петровичу, и тот, зело интересуясь мистической сутью природы и глубоко вникая в оную, приказал доставить к нему арестанта. Вот тебе пакет к шлиссельбургскому коменданту Колюбякину с высочайшим повелением. Скачи к нему немедленно! После ночевки и завтрака. Доставишь его под конвоем в столицу, и будет тебе счастье!

– Счастье? Какое ж счастье? – спросил граф подозрительно.

– Может, узнаешь свою судьбу, это ведь столь любопытно! Особливо ежели в знании судьбы России нимало не заинтересован. А кроме того моя невестка баронесса Оленька Надеждина осчастливит вскоре наш стольный град, и надеюсь этот дом, своим присутствием... Ты, я знаю, к ней весьма неравнодушен! Не подобает любящему свекру такое говорить, но Сашка мой ей-богу болван, мот и гуляка, весь в папеньку – он ее недостоин. Однако так уж распорядилась судьба. Да, и еще одно... поедешь ты не один!

– Не один? Что сие значит?

– А значит сие то, что с вами в путь отправится еще одна особа!

Тут беседа князя Куракина и графа Г. была прервана возгласом вошедшего мужчины лет сорока, небольшого роста, с надменным взглядом и повелительным голосом. Это был сам хозяин дома, новый генерал-прокурор Империи, князь Алексей Борисович Куракин. При его появлении граф Г. на всякий случай почтительно встал, а Александр Борисович расплылся в улыбке.

– Ну что, разобрали манускрипты – грамотеи? – захохотал вошедший неожиданно визгливым голосом.

– Вот сидим и разбираем, любезный братец. Однако наш доморощенный пророк такого накропал в тетрадах своих, что и с дюжиной свеч яснее не становится. А из показаний в Тайной экспедиции только и видать, что арестант зело упрям и звания самого простого.

– Да и митрополиты пишут, что книги сии немало им не понятны. Однако понеже речь в них идет о царственных особах, то надлежит отнестись к сим записям со всем вниманием.

При этих словах его сиятельство аккуратно сложил разбросанные тетради в стопку и сунул в папку с золочеными углами, гербом и тиснением «К докладу Его императорскому Величеству».

– Выносить тетради сии отсюда нельзя, хотя читать протоколы не возбраняется! – Алексей Борисович шутливо погрозил пальцем. – И как прокурор государства нашего, равного которому во славе в мире не сыщешь, я обязан блюсти

тайну... и других заставлять. Все, кто с тем пророком станут заводить крамольные беседы, взяты будут под секрет! Да, впрочем, и дельце вам достается пустяковое – взять конвой и доставить в Петербург арестанта. Ну а чтобы вы, так сказать, не сбились с пути истинного, хоть Шлиссельбург и неделю, с вами отправится некто из Тайной экспедиции! Завтра познакомьтесь. Ну а теперь – время ужина и сна, засим я вас оставляю! – с этими словами генерал-прокурор вышел из кабинета, побрякивая большими пряжками своих кожаных туфель.

Когда закрылась дверь за младшим братом, князь Александр Борисович несколько помрачнел и сказал графу, приглушив голос:

– Видишь ли, дружок, тут вопрос весьма щекотливый и деликатный. В тетрадах сих писано про прошлое, а нам надобно знать будущее. А будущее наше зыбко и темно... Вот с цесаревичем Павлом Петровичем, ныне императором российским, решились мы на невиданное доселе дело – сделать империю нашу воистину сильной. Реформы назрели, уж перзревают и медлить более нельзя. Генерал-прокурор Сената сосредоточит в руках своих огромную силу – и финансами, и юстицией заправлять станет, и полицией заведовать. Хлопот полон рот! Дворяне наши ленивы, до Запада далеко, пока плетью не ударишь – служить не пойдут, хуже крестьян, с тех хоть спроса нет. Военскую дисциплину выправлять надо... впрочем, сие до тебя не касемо, – остановил князь пе-

речисление великих планов, и помедля немного продолжил:

– А знать тебе следует вот что – сей пророк Васильев, он же монах Адам, должен быть представлен Павлу Петровичу. Может смиростивится, иль не захочет дыбы и кнута, расскажет царю про будущее все без утайки. Знать нам это надобно, ох надобно. Но только император хоть и приблизил меня, а тайное знание не откроет... нет, он и одиннадцати лет конфектами не делился! А посему твоя цель – быть рядом с тем пророком и все за ним записывать, все подмечать и мне доносить непрерывно, понял?

– Понял, Александр Борисович. Только не графское это дело – жандармом да дознавателем быть. К тому же писать я ленив от природы и... – граф Г. начал вилять и уклоняться.

– От природы ленив? Ай-ай-ай... Видно батюшка твой князь Гагарин, выхлопотавший тебе впоследствии от Австрийской империи графское звание и подаривший имение, мало тебя порол! Сейчас на Руси ленивых не любят, сейчас и дворян неприкасаемых уж нет! Не зли меня, Михаил, не заставляй повторяться.

– Виноват, дядюшка, исправлюсь! – граф встал со стула и почтительно поклонился, подметая пол плюмажем шляпы. Князь улыбнулся.

– Вот теперь тебя люблю я... Будешь моими глазами и ушами! А Алексей к пророку свои глаза да уши приставит. Чтобы они уж ему сообщали все то, что Василий не пожелает или же забудет сказать его величеству. Все эти откровения

божии иногда весьма полезны бывают.

— А дозвоьте, ваше сиятельство, и мне с собой в дорогу одного человечка взять?

— Человечка? Любопытно, что это за человек такой выискался? — князь нахмурил чело.

— Приятель мой, ученый муж Морозявкин... вместе познавали науки во Франции, и зело он учен! В сем важном деле полезен может быть, он там не токмо по кабакам шастал, но и на лекции захаживал... иногда. — граф Г. готов был сделать своему другу самое лестное «публиситэ».

— Ну что ж... Радует то, что хоть кто-то из вас, лентяев, в науках за границей упражнялся! Бери его, только вели обо всем молчать... если не хочет познакомиться с Тайной экспедицией поближе. Однако ж боюсь, в таком деле как виденье будущего, надобны не профессора, а попы... а то и слуги Сатаны. Почитай допросные листы на досуге, вникни. Но не выноси из дома.

— Не извольте беспокоиться, он у меня на все руки мастер! Разрешите откланяться?

— Отдыхай, за ужином меня не жди. Ну, ступай с богом! — с этими словами князь кивком отпустил графа из кабинета.

Пройдя анфиладу комнат и этажей, граф Михайло решил наконец поискать друга Вольдемара. Он обнаружил его уже вдребезги пьяным в кухмистерской. Морозявкин ел, пил и одновременно заигрывал с симпатичной горничной, не теряя даром ни единой терции драгоценнейшего для челове-

чества времени. Не хотелось разрушать эту идиллию, но делать было нечего.

– Вольдемар! – закричал граф в ухо бедному Морозявкину. – Не спи – замерзнешь!

– А кто ж тебе сказал, что я сплю? – Вольдемар наконец отпустил горнишную Надин, и та молниеносно воспользовалась возможностью застегнуть корсаж.

– Есть тема. Слушай сюда, месье вечный студияз. Объявился некий монах-предсказатель... Всем предсказывает будущее!

– Ну и что? Из-за этого ты отрываешь меня от стола и отдыха? Я тоже умею предсказывать будущее, и совсем недорого. Никогда не брал за это более полтины. – Морозявкин сплюнул, с сожалением проводил взглядом убежавшую Надин и потянулся к новой бутылки. Гостеприимство князей Куракиных вошло в пословицу.

– Да не такой пророк, как ты. Настоящий! Вот, читай, коли еще ум не пропил и грамоту не забыл. – граф Г. сунул листы под нос приятелю.

Вопрос. *В обоих сих местах, как в монастыре, так и пустыне, начальники и братия какой жизни и поведения, и нет ли от них каких мирских соблазнов, и в чем ты там упражнялся?*

Ответ. *Настоятели сих обителей жития честного и трудолюбивого, и никаких он ни от кого не видал мирских*

соблазнов, а он туждался в монастырском послушании.

Вопрос. Какой тебе год и откуда был глас и в чем он состоял?

Ответ. Когда он был в пустыни Валаамской, во едино время был ему из воздуха глас, яко боговидцу Моисею пророку и якобы наречено ему тако: иди и скажи северной царице Екатерине Алексеевне, иди и рцы ей всю истину, еже аз тебе заповедую. 1-е скажи ей, егда воцарится сын ея Павел Петрович, тогда будет покорена под ноги его вся земля Турецкая, и сам султан, и все греки, и будут они ему данники, а 2-е, скажи ей, егда сия покорена будет и вера их лживая истребится, тогда будет единая вера и един пастырь по всей земле, тако бо есть писано в Священном Писании. И еще рцы ей северной царице Екатерине: царствовать она будет 40 годов. Посем же иди и рцы смело Павлу Петровичу и двум его отрокам, Александру и Константину, что под ними будет покорена вся земля.

Прочитав сии строки, Морозявкин несколько протрезвел, чело его прояснилось.

– Ужасно интересно! Всегда думал, чем все это кончится – и вот на тебе, какой-то крестьянский крендель уже все знает, чтоб ему пусто было.

– Да он-то может и знает, только нам о том не рассказывает. Разве что его императорскому величеству поведает...

– Да, ему вроде так и сказал глас с неба – дескать иди к

царю и все ему расскажи!

– Нам тоже надо не зевать, хоть и не цари – граф Михаил разжился чистым стаканом и присоединился к другу Вольдемару. – Хоть и княжеский дом, а мороз с окон так и налетает, грызет. Главное завтра не проспать... С утра в путь!

Глава 4, в которой герои встречаются с таинственной незнакомкой

На следующее утро друзья проснулись вовремя – не без помощи мажордома конечно. Опохмелочная бадья с ледяной водой позволила не греть особливо оную для бритья, а вчерашний обильный ужин, сервированный в малом зале для приемов, сменился сегодняшним скромным завтраком. Морозявкин традиционно ел за троих, граф Г. же был скромен и изволил откусывать только вареную редьку в меду, сырники, взваренцы, яишню из полудюжины перепелиных яиц и запил все это жуткой смесью из сливового киселя и рассола.

– Не слипнется? – озабоченно переспросил Морозявкин.

– Нет, не должно. Мы, графы, всегда так кушаем. Ну, вперед, навстречу приключениям! Лет с гоу ту адвенчур!

– Да пора уже!

С этими словами друзья подошли к конюшне, где их уже ждала пара кобыл, и не только. Близ конюшни, замерзнув и в тягостном ожидании, вот уже полчаса ошивалась интересная девица. Она была одета в новомодный костюм амазонки, только-только появившийся в столице, состоявший из малинового жакета с широкими отворотами на рукавах, желтого шейного платка, закрепленного голубой брошью, изящ-

ной черной шляпки вроде цилиндра с желтым плюмажем и подвернутой вокруг бедер юбки, закрепленной особой пуговкой. На ногах ее были черные броджи и сапоги со шпорами. В то время дамы обычно ездили на лошадях в своем повседневном платье и появление леди в таком прикиде шокировало наших охотников за приключениями на целых полторы минуты.

– Ах, вот и вы! Рада, очень рада познакомиться! Сам знаменитый граф Г., мне о вас столько рассказывали! А вы вот значит какой! – проворковала леди, потупив взгляд.

– Да, я такой! – осклабился граф.

– В иное время, сударыня, мы с моим приятелем без сомнения почли бы за честь побеседовать с вами... – галантно продолжил граф Г., не желавший, однако, терять время.

– О! Я тоже, счастлива сделать знакомство! Я Лиза Лесистратова, вот... – уже более бойко сказала девица, притоптывая на одном месте от холода и игриво сбивая снежок с сапога.

– Какая жалость, мадемуазель, сейчас мы ужасно торопимся! – встрял в беседу Морозьявкин. – Должен подойти еще один человек, и мы отправимся в загородное путешествие. Он с минуты на минуту прибудет... так что увы, недосуг!

– А это я и есть! – девица засмеялась звонким как валдайский колокольчик смехом. Я этот человек! Его сиятельство князь Алексей Борисович мне так и сказал – сегодня утром

от конюшни граф Г. поскачет в Шлиссельбург – и надо к нему присоединиться!

– Вы – человек? Сие для нас приятная неожиданность! Значит мы с вами будем совершать наш загородный променад?

– Да, со мной! Так люблю эти прогулки... Снег... Мороз... ветер в лицо... Ах, я так романтична и любознательна! – девица кокетливо взглянула на графа, потом на Морозьявкина, будто бы решая, кого из них выбрать в кавалеры.

– А знаете ли вы цель прогулки, очаровательная мадемуазель? – спросил граф серьезно и даже несколько сумрачно.

– Да, да, я знаю. Но ведь это же замечательно! Там столько тайн...

– А вы, сударыня, изволите служить в ведомстве генерал-прокурора князя Куракина, в Тайной экспедиции Сената? – полюбопытствовал Морозьявкин, как вечный бунтовщик не любивший шпииков и сыскных, а также жандармов и полицейских.

– Ну, бывает, я забегая туда... просто переложить бумажки на столе, из одной стопки в другую... Алексей Борисович так добр ко мне. Я его с детства знаю, вот и помогаю чем могу...

– За жалованье? – Морозьявкин был бестактен как всегда.

– Ах, к чему говорить о деньгах? Меня интересуют тайны этого мира... Нас, женщин, как известно, не пускают в университеты, в отличие от вас, мужчин – вот и приходится

учиться постигать тайное там, где это доступно! Я слышала, этот таинственный монах Василий очень умен и хитер... Вот бы посмотреть хоть одним глазком!

— Да, кстати — пора отправляться! — граф решил принять на себя командование маленьким отрядом. — По коням! Мадемуазель, позвольте вам помочь?

Лиза милостиво разрешила подсадить себя на лошадь. Граф Г. подхватил ее изящную ножку и помог усесться в седло, сама девица, крепко схватившись за седельные луки, умостила как в кресло и грациозно перенесла правую ногу через шею лошади, а затем отстегнула и расправила подол юбки. Морозявкин, вытянув шею, следил за ее эволюциями с неприкрытым интересом плотского характера. Наконец захлестали плети, зазвенели шпоры и компания с шумом и гиканьем рванулась вперед по Невскому к Шлиссельбургскому тракту.

Вопрос. *Когда ты глас сей слышал? В какое время? И что ты о сем помышлял и кому о том сказывал ли и что кто тебе на то советовал и какое ты на то полагал намерение?*

Ответ. *Сей глас слышан им был в 1787 году в марте месяце. Он при слышании сего весьма усумнился и поведал о том строителю и некоторым благоразумным братьям. Они же на это ему отвечали: ежели сие дело Божие, так будет тако и не разорится, а ежели не Божие дело, то разорит-*

ся. Тут жил он без малого пять лет, изучался совершенно духовной жизни и письму полууставом.

Вопрос. *Отобранные у тебя тетрадки, писанные полууставом, кто их писал, сам ли ты, и если сам, то помнишь ли что написано, и если помнишь, то с каким ты намерением таковую нелепицу писал, которая не может ни с какими правилами быть согласна, а паче еще таковую дерзость, которая неминуемо налагает на тебя строжайшее по законам истязание? Кто тебя к сему наставил и что ты из сего себе быть чаял?*

Ответ. *Ныне я вам скажу историю свою вкратце. Означенные полууставные книги писал я в пустыни, которая состоит в Костромских пределах близ села Кошьева (помещика Исакова) и писал их наедине, и не было никого мне советников, но вся от своего разума выдумал. Из Валаама пришел в Невский монастырь. Тут сказывал я про воздушный глас трем старцам, от коих, как я слышал после, дошло и до сведения митрополита. Из Невского вышел, жил я по разным монастырям.*

Шлиссельбург встретил тайную экспедицию неласково. После Северной войны со Швецией бывший «ключ-город», он же Нотебург, он же Орешек стал городом-тюрьмой. Сырые казематы были понастроены буквально повсюду, тут сиживали и Евдокия, жена Петра Великого, и наследник Иоанн, впоследствии убитый при попытке побега, и князя

Долгоруковы, затем казненные, и герцог Бирон, словом все те политические фигуры, которые становились неугодными текущим властям российской империи. Впоследствии тут побывали и декабристы, и анархисты, и брат Ленина Александр, повешенный тут же. Словом крепость не зря назвали «русским Алькатрацем».

Однако ко времени нашего повествования многие из этих имен оставались скрыты под покровом будущего, а Октябрьская революция, уничтожившая царизм и превратившая крепость на Ореховом острове в музей, представлялась и вовсе немыслимой.

После пары часов скачки, сопровождавшейся смехом и галантными гусарскими анекдотами, которые наперебой рассказывали Микаэль и Вольдемар под звонкий смех мадемуазель агентессы, наша троица переправилась через застывшую Неву. Перед высокими каменными воротами мрачно замерзал одинокий часовой.

– Стой, кто идет? Не положено! Крепость тут... поворачивай назад! – заорал он, с трудом разжав смерзшиеся от ледяной изморози губы.

– К коменданту Колюбякину с письмом от генерал-прокурора! Открывай ворота! – грозно выкрикнул граф Г., с трудом удерживаясь от того, чтобы не перетянуть нерасторопного холопа плетью поперек морды.

– Ах, что вы, граф Михайло, зачем же так нервничать... он же сейчас все сделает... ведь сделаешь, правда? – с этими

словами Лесистратова взглянула на солдатика как кошка на мышь. В ее взгляде проявилось, что-то настолько хищное, что часовой, сам того не желая, повалился на колени.

– Ваше сия... светл... матушка-царица-барыня... все, все сделаю... счас! – часовой поднялся на ноги, подобрал слетевшую треуголку и побежал докладывать. Уже через десять минут комендант крепости Колюбякин принимал их в своем мрачном кабинете. Через узкое окошко лился тусклый свет рано уходящего дня.

– От князя Алексея Борисовича? Рад, много о вас наслышан, господин граф! Извините, остолопа часового, и куда он дурень смотрел... Как там его сиятельство, здоров ли? Мы хоть и недалеко от столицы, а живем тут аки в деревенской глуши, токмо почта и доходит. Ну-с, посмотрим, что там в пакете... – комендант распечатал сургуч стал близоручко вглядываться в текст при свете недавно зажженной свечи.

– Высочайшее повеление прислать в Санкт-Петербург арестанта Василия Васильева... Это тот блаженный что ли? И кому это он там понадобился... – задумчиво бурчал комендант.

– Он самый, господин полковник. Велено доставить немедленно.

– Забирайте, кому он нужен тут... это не политический бунтовщик, а пациент желтого дома, коего по хорошему надлежит держать связанным и кормить бертолетовой солью. Впрочем, юродивые монахи все таковы, болтают что ни по-

пада. Содержим мы его по всемилостивейшему повелению покойной матушки-императрицы яко богохульника и оскорбителя высочайшей власти, под крепчайшим караулом так, чтобы он ни с кем не сообщался, ни разговоров никаких не имел; на пищу же производим ему по десяти копеек в каждый день. Хотя за дерзновение и буйственность, по государственным законам, заслуживает смертную казнь... Однако кажется, тут есть и еще распоряжение: «С прочих же, на ком есть оковы, оные снять»? Как же это можно – снять оковы? Что это за узники без оков? Как же они будут ходить?

– Не могу знать, господин комендант, но такова монаршая воля.

– Да... воля... нам надлежит исполнять ее, а не обсуждать... Видно стар я уже для новых веяний! – проворчал полковник Колюбякин с видимой обидой.

– Никак нет, прочитайте до конца письмо генерал-прокурора – за усердие и порядочное исправление должности вы, господин комендант, пожалованы в бригадиры! – граф решил подсластить пилюлю. Лицо коменданта прояснилось. Морозявкин, оставленный у дверей, подслушивал изо всех сил, так что его длинное ухо расплющилось о дубовые дверные доски.

– Служу царю и отечеству... Даст Бог, еще послужим. Эй, господа офицеры – Чердынцев, Финкелецкий, кто еще тут... препроводить арестанта Васильева из казармы номер 22 к воротам и дать конвой!

Через четверть часа в тюремном дворе граф Г., девица Лесистратова и студия Морозьявкин встретили основное лицо своей тайной экспедиции для Тайной экспедиции. Под этим лицом подразумевался бывший крестьянин Василий Васильев, он же монах Адам, впоследствии ставший Авелем, но уже тогда почитавшийся за известного провидца или же за опасного безумца. Монах был мрачен, бородат и сутул. Он беспокойно озирался вокруг и все время что-то бормотал, прикрывая рукой щербатый рот.

– А, вспомнили, значит обо мне? Вспомнили, сукины дети? Говорил я – попомните вы еще Ваську Васильева, отольются вам мои страдания! Небось как государыня-то Екатерина помре, так и спохватились? Знаю, помре волюю божией в свой день и час... все знаю! Зачем-то я снадобился?!

– Не разговаривать! Молчать, сукин кот! В карету его, быстро!

Пророка, демонстративно звенящего тяжелыми кандалами, так и не снятыми с него для пущей сохранности, засунули в мрачную темно-коричневую повозку с глухими зарешеченными окошечками. Конвой из прапорщиков и унтер-офицеров поскакали по бокам, а бойкая тройка охотников за предсказаниями уселась рядом с монахом. Находиться в обществе бывшего коновала было нелегко – видимо личная гигиена в казематах еще не поднялась на угодный императору Павлу высокий европейский уровень. Всю дорогу до столицы монах говорил, не переставая – девица Лесистрато-

ва только успевала записывать в изящный блокнот его сбивчивые речи.

– Всю жизнь мою страдал за слово божие и за правду! Пиши, девка, пиши, смотри не сбейся...

– Не собьюсь! – заверила его Лизонька. – Ты только сказывай...

– За правду! Принял я постриг на Валааме, скитался в страшной пустоши... был мне глас божий, и на небо меня возносили аки апостола Павла... Меня, грешного – и на небо! Две книги там видел, все в них открыто аки в святцах... А здесь в каземат заточили! Сукины дети, свиньи бескорытные... Настоятель Бабаевского монастыря меня за записи мои тайные к епископу отвел... А епископ Костромской и Галицкий преосвященный Павел по лбу мне посохом бил и бранные слова всякие лаял, чуть до смерти не убил... Черные попы, хотели чтоб забыл я реченное мне Господом, да где там! Владимирский и Костромской генерал-губернатор генерал-поручик Заборовский, пес подзаборный, по морде дал и в острог посадил... А оттуда в Петербурх поволокли, в Тайную вашу экспедицию, будь она трижды неладна! Там Сашка Макаров, пустая башка, строчил с меня листы допросные, да я все ему рассказал, без утайки... А граф Самойлов, генерал от прокуроров ваших постылых, по лицу меня бил перстами с перстнями, кровь текла из меня аки из борова зарезанного... Вот что я потерпел за слово божие!

– А что ж было там, в сих тетрадах? – Лизонька была настойчива. Граф Г., которому князь Куракин дал проглядеть только кусочек заветных тетрадок, оставив, правда, в полное его распоряжение допросные листы арестанта, тоже не прочь был узнать о судьбах империи поподробнее. Морозявкин, которому впервые довелось соприкоснуться с живым пророком и прорицателем, также сгорал от любопытства. Однако оному не суждено было получить полного удовлетворения.

– А вот что мне на небесах узреть довелось, то там и было! Все записал, что не забыл... Я за голосом божьим записывал вот как вы сейчас за мной... Хоть и грамоте я мало разумею, а сподобился.

– Однако же там был указан день и час смерти всемилоштивейшей нашей императрицы, государыни Екатерины?

– Да, ведомы мне и царские секреты, но много лет боялся я сказать правду о гласе небесном Ея Величеству... А как прознала она про то, так в Шлиссельбург меня и заточила! Хотел же я как лучше... А как вышло – сами видите.

– Ну да что мы все о грустном! – граф Михайло Г. решил утешить приунывшего плотника и коновала, а ныне монаха и арестанта. – Вот уже и заря... Новое солнце завтра взойдет, новый день, авось увидишь и светлейшего князя, может и обласкает он тебя... если все ему поверишь откровенно!

– Да уж, обласкает! Меня все вишь вон как ласкают – плетью да острогом! Собачья у нас, провидцев божиих, жизнь... Хоть и плотничать нелегко, и женили меня супро-

тив воли, а все же лучше с нелюбимой женой век вековать, чем вот так по тюрьмам скитаться... — сказавши это, Василий отвернулся к окну и более не проронил ни слова до самой столицы.

В доме князя Куракина арестанта ласково приютили, обогрели и накормили на кухне, даже не забыв предварительно расковать. Оголодавший пророк ел щи так, что за ушами трещало. Дворня и слуги почтительно наблюдали за ним издали, толпясь у дверей кухмистерской, ибо, неведомо как, слух о нем просочился по всем щелям огромного княжеского дворца. «Святой... юродивый... монах... да какое там, бунтовщик, крестьянский сын... новый Стенька Разин...» — эти слова перешептывали из уст в уста, прожужжав друг другу все уши. Атмосфера тайны продергивала всех как мороз. После бани выпавшийся пророк должен был предстать перед князем. На ночь граф Г. снова читал допросные листы мрачного монаха.

Вопрос. *Для чего и с каким намерением и где писал ты найденные у тебя пять тетрадей или книгу, состоящую из оных?*

Ответ. *В каком смысле писал книгу, на сие говорю откровенно, что ежели что-нибудь в рассуждении сего солгу, то да накажет меня всемилостивейшая наша Государыня Екатерина Алексеевна, как ей угодно; а причины, по коим писал я оную, представляю следующие: 1) уже тому девять*

лет как принуждала меня совесть всегда и непрестанно об оном гласе сказать Ея Величеству и их высочествам, чему хотя много противился, но не могши то преодолеть, начал помышлять, как бы мне дойти к Ея Величеству Екатерине II, 2) указом велено меня не выпускать из монастыря и 3) ежели мне так идти просто к Государыне, то никак невозможно к ней дойти, почему я вздумал написать те тетради и первые две сочинил в Бабаевском монастыре в десять дней, а последние три в пустыни.

Вопрос. Написав сказанные тетради, показывал ли ты их кому-либо? И что с тобою после воспоследовало за них?

Ответ. Показывал я их одному из братии, именем Аркадию, который о сем тотчас известил строителя и братию. Строитель представил меня с тетрадями моими сперва в консисторию, а потом к епископу Павлу, а сей последний отослал меня и с книгою в наместническое правление, а из него в острог, куда приехали ко мне сам губернатор и наместник и спрашивали о роде моем и проч., а когда я им сказал: «ваши высокопревосходительство, я с вами говорить не могу, потому что косноязычен, но дайте мне бумаги, я вам все напишу», то они, просьбы моей не выполняя, послали сюда в Петербург, где ныне содержусь в оковах. Признаюсь по чистой совести, что совершенно по безумию такую сочинил книгу, и надлежит меня за сие дело предать смертной казни и тело мое сжечь.

Глава 5, волшебная

Утром князь Александр Куракин всемилостивейше соизволил принять бывшего арестанта Шлиссельбургской крепости в своем кабинете. Роскошь обстановки и любезность светлейшего должны были произвести на узника неизгладимое впечатление. Золоченые мебели и стены с портретами царственных особ подавляли практически всякого.

– Подойди-ка сюда, любезный! Да не бойся, ближе!

– Ваше сиятельство, Александра Борисович! Уж так я вам благодарен, не знаю как и выразить чувства мои! Спасли вы меня от злодея Самойлова, спаситель вы мой, многия вам лета, благодетель и заступник...

– Да нет, любезный братец Василий, или как тебя там кличут – отец Адам что ли? Не спас пока, сие не моя воля, а воля высшая, монаршия! И зависит твое освобождение из тюрьмы токмо от тебя самого. Может быть уже завтра соизволит говорить с тобой сам государь наш Павел Петрович. Ежели расскажешь ему все без утайки – помилует, а нет – не взыщи... Можешь и всю жизнь в Шлиссельбурге просидеть, прокуковать.

– Ах, если бы государь повелел бы мне отделиться от черных попов и жить в мирских селениях, где я пожелаю! Только постриг прежде хочу вновь принять – в Костроме расстригли меня, злыдни поповские. Тогда бы я благодетелю все

без утайки рассказал бы...

– Государь наш милостив, но справедлив. Готовься, Василий, вспоминай, что тебе господь говорил. А пока что... – тут князь Куракин несколько замешкался, не решаясь сказать о своем интересе совсем уж откровенно, – пока что не раскрыл бы ты нам завесу будущего?

– Никак невозможно, ваше сиятельство! О судьбе царской фамилии и самого государства российского я, раб божий Василий, могу лишь царской особе поведать, – заявил отец Адам и дерзко отвернулся к ближайшей стене. Князь вздохнул, поднялся и прошелся по зале взад и вперед.

– Ну что ж... похвальное усердие, братец. А если не о судьбе всей России, а так сказать об отдельных ее людях? Скажем, о моей судьбе? В империи я не последний человек – вице-канцлер и императору друг... Расскажи, что будет со мною? Ведомо ли тебе сие?

– Так ведь не провидец я, то что свыше мне голос в уши шепчет – то и реку, – монах-расстрига вновь повернулся к князю и как будто даже повеселел. – Это тебе, батюшка-князь, к гадалкам надобно! Да и иногда такое открыться может, что и узнать ты не захочешь...

– Не захочу? – князь откинулся в кресле, слегка пожевал тонкими губами. – Да ведь говорят, что от судьбы не уйдешь... Так что там меня ждет?

Монах устроился на стуле поусадистей и закатил глаза, как бы всматриваясь в грядущие года. Несколько секунд он

шевелил пальцами, будто запоминая рисунок на ткани времен, а затем изрек:

– Будешь ты богат, знаменит и всеми царями обласкан... Женат не будешь никогда. Но детей у тебя станет без счета. Проживешь на свете шесть десятков лет и еще шесть... только бойся огня! А то, твое сиятельство, тебя пожгут, ножками затопчут и фамилии не спросят... Впрочем, сохранит тебя твоя любовь к дорогой одежде с камнями. Закутаешься в нее и спасешься, но берегись огненного петуха-ха-ха!

С этими словами Василий сын Васильев в изнеможении откинулся на резную спинку стула для посетителей. Князь Александр Борисович хотел уж было рассердиться на дерзкого расстригу за такие похвальные слова, но, подумав, сменил гнев на милость.

– Ну что ж... хоть всего не сказал, но и на том спасибо. Мерси, голубчик, и ступай прочь... готовься!

Мажордом захлопнул двери за Василием, и тут уже князь начал искать наиболее удобную позицию в золоченом кресле и размышлять о тайнах будущего. Сам же пророк, недалеко отошедши, попал в ненасытные лапы дворни. Надо сказать, что бывший арестант вовсе не оробел, не устыдился своей популярности, а тут же попытался извлечь из нее максимальную выгоду.

Он уже бойко торговал предсказаниями, гадал по руке и на невесть откуда взявшейся замасленной колоде карт Таро, чему обучили его много лет назад цыгане на ярмарке в

Костроме, и брал за свои пророчества с кого пятак, с кого гривенник, а с иного не меньше полтины. Девкам он уверенно предсказывал скорую женитьбу, бабам детей и каких-то «червонных валетов», мажордому повышение до шталмейстера, прочим же сообразно чину и званию. Вольдемару пророк предрек почему-то преждевременную старость, очевидно чтобы тот не слишком ему надоедал расспросами.

Лизонька сидела поодаль на табурете и немилосердно пачкая перо строчила строчку за строчкой. Морозявкин расположился у ее ног, а граф Г., вошед, устроился в конце очереди к священному оракулу. Увидев графа, Лиза обрадовалась ему как родному.

– А, вот и вы, граф Михайло! Как я соскучилась без вас... А вы по мне скучали? – и неожиданная заря покрыла ее еще юные щеки.

– Взаимно, сударыня, хотя... – граф хотел напомнить, что не виделись они лишь со вчерашнего вечера, но Лесистратова не дала ему закончить.

– Вы знаете, надобно его спросить и о нашей судьбе... о нас с вами! А то все узнают свое будущее, а мы нет. Это несправедливо! Ведь оно прекрасно, наше будущее! Вы согласны?

– Сударыня, в вашей компании прекрасно не только будущее, но настоящее! – граф был галантен как всегда.

– Мерси... я смущена... Вот мы и спросим!

– Да к нему не пробьешься, вон сколько народу поналез-

ло, – Морозьявкин оценил ситуацию. – Прямо как в кабаке на святую Троицу.

– Ну мы-то знакомые! И из крепости его вытащили... Сейчас... Василий, Василий, а нам судьбу откроешь? – закричала Лиза в ухо пророку, чудом распахав дворню. Пророк немедленно прикинулся глухим.

– Ась? Чего тебе? Судьбуу? Нет, гаданиями-предсказаниями не занимаемся. Это так только, по домашности, можно сказать...

– Ну пожалуйста! Мы просим! Вот и граф очень просит! – Лиза была настойчива. Граф Г. протиснулся в круг почитателей таланта, слуги расступились, освободив место, и они уже было совсем приготовились слушать, но тут вошел лакей и приказал Василию собираться и ехать вместе с князем Куракиным во дворец. Пророк облегченно вздохнул.

– Ну вот, видишь, какая оказия вышла – собираться пора! Так что уж в другой раз как-нибудь, все расскажу, не утаю. А сейчас уж не обессудь, милостивый граф Г.!

Василий Васильев быстро собрал все свои причиндалы, карты и мелочь со стола и скорым шагом затопал за лакеем. Графу даже показалось, что он прихватил с собой серебряную ложку, сунув ее в карман так ловко, что и не заметишь, если не следить за руками как при игре в карты с шулером. Миг – и кареты уже катили в императорский дворец, особенно выделялась огромная золотая княжеская, с лошадьми цугом, скороходами и лакеями. Графу Г. и Лизе ничего не

осталось, как со скуки дочитывать допросные листы.

Вопрос. Для чего внес в книгу свою такие слова, которые особенно касаются Ея Величества и именно, акибы на ню сын восстанет и прочее, и как ты разумел их?

Ответ. На сие отвечаю, что восстание есть двоякое: иное делом, а иное словом и мыслию и утверждаю под смертною казнию, что я восстание в книге своей разумел словом и мыслию; признаюсь чистосердечно, что сии слова написал потому, что он, т. е. сын, есть человек подобострастен, как и мы; а человек различных свойств: один ищет славы и чести, а другой сего не желает, однако мало таковых, кто бы оного убегал, а великий наш князь Павел Петрович возжелает сего, когда ему придет время, время же сие наступит тогда, как процарствует мати его Екатерина Алексеевна, всемилостивейшая наша Государыня 40 лет: ибо так мне открыл Бог. И ежели кто скажет, что это неправда и я лгу, то потому и все Священное Писание несправедливо. Дайте мне книгу Апокалипсис и всю Библию для истолкования, ибо в Священном Писании много, писано о наших князьях, то я скажу время, когда все сие сбудется; ибо я для того сюда и послан, чтобы возвестить вам всю сущую и истинную правду.

Вопрос. Как осмелился ты сказать в книге своей, аки бы паде император Петр III от жены своей?

Ответ. Сие я потому написал, что об оном есть в Апока-

липсисе, и надежде разумею я свержение с престола, с которого он свержен за неправильные его дела, о коих слышал я еще в младенчестве в Туле от мужиков, и именно: 1-е) якобы он оставил свою законную жену Екатерину Алексеевну и 2-е) будто бы хотел искоренить православную веру и ввести другую, за что Бог и попустил на него таковое искушение. Что ж касается до сказанного мною о Павле Петровиче, то я и про него слышал, якобы он таков же нравом как и отец его, и слышал здесь в Петербурге, чему уже прошло семь лет, от старых солдат, служивших еще при Елизавете Петровне, которые мне о сем сказали, когда спрошу их, позвавши в кабак и поднесу в меру вина; однако я не утверждаю, правда ли сие или нет и не знаю, живы ли они или уже померли.

Пройдя через анфиладу комнат, князь Куракин вошел с позволения дежурного офицера в небольшой кабинет, где его ожидал сам император и самодержец всероссийский Павел Петрович. Государь с утра был не вполне в добром расположении духа. Как опытный царедворец, князь немедленно обратил на это внимание.

– А, князь Александр Борисович! Всемиловитейше повелеваем вам войти! – император вовсе не чужд был иронии.

– Как почивали, ваше величество? – почтительно осведомился князь, не решаясь сесть.

– Прескверно, князь, просто отвратительно. Зима в Пе-

тербурге меня решительно не устраивает. Небо все время серое, с моря ужасающе дует. Повсюду висят огромные сосули. Бороться мы с ними не умеем. Никакого порядка даже в природе не сыщешь – что уж говорить о государстве. Извольте сесть.

Куракин присел на кресло итальянской работы. Государь меж тем ходил из угла в угол, чеканя шаг как на параде.

– Вспоминая военные игры наши в Гатчине, не могу не отметить, что порядка там было куда как больше. Мечтаю отобразить все там измышленное на армию российскую и страну! Должен же и у нас завестись наконец должный ордрунг во всем, – император наконец изволил перестать ходить и замер на месте.

– В будущем, несомненно, ваше величество Павел Петрович! Может даже и погодой научатся управлять. Захотят – и не будет дождя! Стоит только императору российскому там, в будущем распорядиться, махнуть ручкой – и небо очистится!

– Ну ты, князь, уж и хватил – дождь или ведро, сие от бога зависит и человеку неподвластно... ни сейчас, ни в будущем, пожалуй. Человеку не должно менять божью погоду – а то не только что император, а и какой-нибудь мэр, вор, казнокрад, прохиндей поднимет на небо мелкую пушку, да к празднику все облака разгонит... Никакого порядка тогда не станет.

– Кстати о будущем, ваше величество – привез я к вам ту тетрадку, о которой толковал ранее, и пророка, ее написав-

шего, дабы открыл он вашему величеству, что там сотворится.

Государь как будто воспрянул духом, глаза его загорелись. Он протянул руку. Александр Борисович отдал ему перетянутые разноцветными лентами тетради Василия.

– Но ведь там, кажется, речь шла о прошедшем времени? Моя матушка умерла в реченный час.... знаю, да дело это прошлое. А уж то что она подговаривала врагов отца моего Петра убить – всегда это чувствовал! Что отца – и меня, меня от царствования устранить возжелала – знаю, указ в пользу Александра, сына моего, уже был подписан. Хорош преемник, нечего сказать! – Павел засмеялся злым лающим смехом, но тут же закашлялся. – И что бы он внес нового в жизнь державы нашей? Только и продолжал бы то, что маменька нам оставила – славолубие да лицемерие!

– Но у матушки вашей, государыни Екатерины Алексеевны, были и славные дела, хоть и немного... – осмелился почтительно возразить другу детства князь Куракин. При этих словах император подскочил как укушенный.

– Славные дела? Хотел бы я узнать, какие? Похерила Запорожскую Сечь – да, славно! А в остальном?

– Присоединила Крым...

– Крым? Да на что он нам? Все эти суворовские походы – как страшный сон. Воинской дисциплины никакой, офицеры ленивы. Я изменю все былые порядки! И в кратчайшее время. Женщина не смеет занимать царский престол! Никаких

преемников – только наследники. Офицеры, не явившиеся на смотр, выкинуты будут из армии вон. Конногвардейский полк – позор гвардии моей. Перепорю всех, даже дворян, если понадобится! Сибири не нюхали, вольностей захотели! И ты мне, мон СашА, первый друг и в этом помощник... Не так ли?

– Всегда к услугам вашим, милостивый государь Павел Петрович, – князь поклонился.

– Вот и хорошо, и чудесно. Рад, что у меня есть верные друзья. Ну а теперь о твоём монахе – давай его сюда! Желаем знать, что будет. Кончатся ли успехом реформаторство мое, воздаст ли мне Господь за усердие... зови!

Князь отошел распорядиться, и через пять минут оробевший пророк уже бухнулся в ноги государю.

– Встань, отче... Не всемерного повиновения жду я от тебя, но божьего благословения. Ведомо мне, что открыто тебе будущее аки святцы?

– Истинно так, твое величество Павел Петрович, многие тебе лета и всяческого благополучия!

– Благополучия? Что ж, отче, вот сейчас и узнаем, какое благополучие всех нас ожидает... Счастливо ли будет царствие мое и сколь много лет отпущено мне Господом?

– Я нижайший монах Адам обошел все края и пустыни, и видел в них дивная и предивная, великая и тайная и всему роду полезная... – забормотал провидец задрожавшим голосом. – Даже и на небесах был восхищен, и видел я там одну

книжку, и зело ясно отпечаталась она в памяти моей. Прямо как на доске пращура нашего первопечатника Федорова Ваньки... Желаю я ныне оныя пустынные тайны вам показать... – Отец Адам закрыл глаза и забормотал, как бы вспоминая:

Царская Россия позже других стран вступила на путь капиталистического развития. До 60-х годов прошлого столетия в России было очень мало фабрик и заводов. Преобладало крепостническое хозяйство дворян-помещиков. При крепостном строе не могла по-настоящему развиваться промышленность. Подневольный крепостной труд давал низкую производительность труда в сельском хозяйстве. Весь ход экономического развития толкал к уничтожению крепостного права. Царское правительство, ослабленное военным поражением во время Крымской кампании и запуганное крестьянскими "бунтами" против помещиков, оказалось вынужденным отменить в 1861 году крепостное право.

Но и после отмены крепостного права помещики продолжали угнетать крестьян. Помещики ограбили крестьян, отняв, отрезав у них при "освобождении" значительную часть земли, которой крестьяне пользовались раньше. Эту часть земли крестьяне стали называть "отрезками". Крестьян заставили платить помещикам выкуп за свое "освобождение" – около двух миллиардов рублей.

После отмены крепостного права крестьяне вынуждены

были на самых тяжелых условиях арендовать помещичью землю. Кроме денежной платы за аренду помещик нередко заставлял крестьян даром обрабатывать крестьянскими орудиями лошадьми определенное количество помещичьей земли. Это называлось "отработками", "барщиной". Чаще всего крестьянин вынужден был платить помещику за аренду земли натурой из урожая в размере половины своего урожая. Это называлось работой "исполу".

Таким образом, оставалось почти то же положение, что и при крепостном праве, с той лишь разницей, что теперь крестьянин был лично свободен, его нельзя было продать или купить, как вещь.

– Что это за ересь? – гневно спросил Павел Петрович. – Да он вольтерьянец, вольнодумец, я его запорю немедля!

– Наш, российский Нострадамус! – осторожно промолвил князь Александр Борисович, глядя на притихшего пророка, который видно и сам не понял, что только что сказал. – В катренах-то у Нострадамуса ничего не разберешь, а тут вам и года, и деяния... Истинный пророк в своем отечестве!

– Да как это может быть, чтобы крепостное право отменили? Я сам намереваюсь в ближайшее же время раздарить сотни тысяч крестьян в руки дворянские, ибо убежден, что за помещиком им будет лучше! А что касается барщины, то уже в будущем году собираюсь я издать манифест о трехдневной барщине... Я строг, но зело справедлив... Нет, бра-

тец мой, так дело не пойдет. В твоих предсказаниях черт ногу сломит. Видно придется по старинке – мы будем спрашивать, а ты отвечать, как в Тайной экспедиции. Сколько лет суждено мне прожить на свете, ответь-ка? – государь нахмурил брови.

– Не могу знать, великий царь, не сподобил меня господь увидеть сие. Может потом...

– Не знаешь? Ну хорошо... А кто мне унаследует? Сын мой старший Александр?

– Да, государь, однозначно он. Только вот вишь ты, какая оказия – нелегко ему придется. Француз придет на нашу землю священную, да всю Москву попалит. Солдаты ихние у наших домов будут греться аки у костерищ. Но потом погонят их с русской земли генерал Мороз да какой-то седой да одноглазый, лика не разберу...

– А цесаревичу Александру кто унаследует?

– Николай... сынок твой... Да знаешь ли, царствование его бунтом да побоищем начнется... Далее пойдут Александр Второй-освободитель, он-то всех крепостных и ослобонит, но и сам от рук заговорщиков смерть примет, Александр Третий, миротворец, с недолгим впрочем сроком, а далее снова Николай, святой мученик. На нем все и кончится.

– Как кончится? Отчего?

– Не своей смертью помрет. Расстреляет его из ружей мужичье сиволапое, и жену и детей его, штыками заколют, чтоб не мучались. Оборвется на нем род твой царственный.

– Да как ты смеешь!? Что за ересь!? – вскричал Павел, взяв излишне высокую ноту и заканчивая практически визгом. Молчи, смерд! Слушать сил нет!

Пророк бухнулся обратно в ноги государю и залопотал что-то совсем неразборчиво.

– Государь наш, батюшка! – вступился князь. – Да что с него взять, с юродивого? Авось слово правды скажет, да пять и приврет. Ну что ты, остолоп, несешь такое? Ты по делу говори, а не выдумывай!

Монах продолжал валяться в ногах государевых, князь же спешно подал царю золоченую кружку воды.

– А войн еще много будет? – поинтересовался несколько успокоившийся государь с недобро вглядываясь в заросшее лицо отца Адама.

– Много, ваше величие Павел Петрович. В новом веке, который через сто лет начнется, и с Японией, где нам весь флот утопят аки котят в ледяной купели, и с пруссаками... Да какие будут войны – мировые! А мелких я уж и не считаю. И по небу бомбы будут в бомбовозах возить, и газами друг друга травить, и из-под воды друг на дружку налетать. А потом как твой род прервется, красный царь на престол сядет, кавказец бешеный. Всех крестьян своими крепостными запишет, а помещиков перевешают. Заводы да фабрики только государевы будут а кто работать не захочет – тех в Сибирь погонят. Церкви христовы разорят, новую религию придумают – мумии на Красной площади поклоняться ста-

нут. Но сдохнет бешеный кавказец, собственными царедворцами отравленный, и придут на его место другие красные цари, и последним станет царь Михаил, по лбу меченый. Разрушит он красное царство, а затем царь Борис вновь запишет всех крестьян крепостными. Не простят ему этого смерды, и до конца дней своих от меченого народ будет шарахаться как от прокаженного. А тогда еще такую бонбу удумают, что одна целый город разорит, сотрет с лика земного, и...

– Врешь ты все, братец, красиво, аж заслушаешься! – князь Куракин прервал разошедшегося пророка. – Видно уж последний стыд потерял! Да разве Господь наш милостивец позволит, чтобы род царский прервался? Да разве допустит он, чтобы слабый человек убивал себе подобных двуногих тварей миллионами? Се божье дыхание и творение! Нет, невозможно поверить в немыслимое.

– Вот что, святой отец, – сказал монарх с видимой долей иронии, – ты знаешь, напиши-ка нам на отдельной тетрадке всех царей российских поименно на двести лет вперед. Всех, кого упомнишь. И всевозможные ратные подвиги, войны, бунты народные тоже не забудь. Мы тебя с князем пока оставим, а писать ты умеешь, мы видим. Скоро вернемся, а ты, дружок, старайся! – как видно Павел Петрович был более склонен узнать фантазии пророка до конца.

Уже через два часа изрядно потрудившийся Василий сунул в царские ручки тетрадь с атласным отливом, на которой вкривь и вкось были записаны имена всех грядущих русский

правителей. Государь Павел Петрович одобрительно посмотрел на творение вещего провидца.

– Составил уже? Ну-ка, ну-ка... Александр... Николай... снова Александр... так-так... Превосходно! Перечитаю на досуге, а потом – под ключ и в ларец. Пускай-де вскроют через сто лет после моей кончины царственные потомки мои. Сие будет мое завещание... Кто, кстати, там должен быть царем в это время? Еще один Николай? Святой мученик? Вот пусть он и прочтет... Может поумнеет, исправит чего в своей политике...

«Сие исправление и тебе не худо бы произвесть, твое величество», – подумал князь Куракин, но вслух не сказал. Ему не хотелось спорить с императором после сытного, хоть и легкого обеда, состоявшего из нескольких блюд французской кухни, в том числе фрикасе из куропатки, пары бутылочек бордо и выпечки, которую Павел обожал с детства.

– Ну что ж, господа. Аудиенция ваша окончена. Князь Александр Борисович, останьтесь, мы обсудим еще кое-что из государственной политики. А тебе, отче, чего надобно? – спросил государь провидца заботливо и человеколюбиво.

– Только одного желаю я, государь ты наш батюшка – снова монашество принять! – бывший отец Адам преданно посмотрел на царя как бы снизу вверх.

– Твое желание исполнится. Я составлю о тебе для генерал-прокурора особый рескрипт. – с этими словами Павел вышел из кабинета.

«Князь Алексей Борисович!

Всемилоостивейше повелеваем содержащегося в Шлиссельбургской крепости крестьянина Васильева освободить и отослать, по желанию его, для пострижения в монахи, к Гавриилу, митрополиту Новгородскому и С.-Петербургскому.

Павел»

Глава 6, хозяйственно-святочная

Через несколько часов обласканный царской милостью пророк уже спешил к новому месту постоянной своей дислокации – к Александро-Невскому монастырю. Расстригу Василия сопровождал лично его сиятельство князь Куракин. С ним рядом следовали граф Г. и Лиза Лесистратова, а также, разумеется, и примкнувший к ним Морозявкин.

Митрополит Новгородский Гавриил принял их как родных и все время слащаво улыбался, мелко крестя толстый живот. Васильев долго устраивался в своей келье подобно большой нахохлившейся птице в гнезде, но наконец остался, кажется, вполне доволен. Его скарб был уже разбросан там и сям, и казалось он жил тут уже целую вечность, и снова вполне готовый к очередному духовному подвигу.

– Ну как, Василий сын Васильев, хорошо ли устроился? – полюбопытствовал князь Куракин.

– Лучше не бывает, истинно рай земной, а не место.... – ответил пророк, с любовью обводя взглядом темные сырые стены. Тут, я чай, видения ко мне будут денно и ночью приходить... А я их, значит, в тетрадочку опять буду записывать. Тут мое, так сказать, рабочее место, стол мой и престол...

– Да-да, ты уж все запиши! – князь решил напомнить пророку о дисциплине. – А мы справляться будем о твоих делах, как устроился... вон граф Г. и мадемуазель Лесистратова за-

едут тебя навестить...

– Премного благодарен, батюшка князь, премного! А вы уж похлопочите перед государем, чтобы меня в монахи поскорее постригли, да митрополиту накажите... – пророк ни на минуту не забывал о необходимости снова войти в полчище черных попов.

– Похлопочу, любезный. Ну, прощай! – с этими словами Александр Борисович вышел из кельи.

– Оревуар, господин пророк! Не скучайте тут без нас! – Лизонька выпорхнула вслед за князем. Граф Г. замкнул шествие, и скоро уже монастырь остался далеко позади княжеского выезда.

Однако совсем избавиться от хлопот по благоустройству провидца на новом месте никому из наших героев не удалось. Царь непрерывно интересовался состоянием и самочувствием Василия, и даже сохранилась записка: *«Его Величеству угодно ведать о нынешнем состоянии посланного к здешнему митрополиту Гавриилу для пострижения, по желанию, в монахи крестьянина Васильева».*

К исполнению сего и послана была от генерал-прокурора девица Лесистратова, которая даже совершила небольшой подвиг, проникнув в одиночку в мужской монастырь, совершенно не предрасположенный принимать кого-либо женского пола. Как видно уже в те времена монахи во главе с митрополитом вполне обходились, так сказать, собственными силами – и в смысле монастырского хозяйства, и во всех

остальных отношениях, на службе и в быту.

После длительных расспросов неразговорчивого бывшего коновала Лизонька написала отчет: *«означенный Васильев и был распрашиван наедине бесприметным образом, на что тот Васильев и говорил, что он нынешним его жребием доволен, но токмо что пищу дают ему единожды в день, отчего слаб в силах; притеснения ему никакого ни от кого нет, ибо сего надзирает сам митрополит; скучает же, что долго не постригают его в монахи, а говорят, чтобы еще трудами утвердился; жалуется, что не имеет нужной одежды, что и заметно, о чем и просит человеколюбивейшаго в пособии милосердия».*

На самом деле Васильев по своему обыкновению устроил целый спектакль – пил лбом об пол, пытался поцеловать Лесистратовой руку, бубнил что всеми гоним и никем не любим, и что всю жизнь, как видно суждено провести ему по трем крепостям и шести тюрьмам, да еще и без монашеского клобука. Через князя Куракина весть о том дошла до государя, который декабря 21-го поблагодарил митрополита Гавриила за его попечение о Васильеве. Для улучшения благосостояния онго послано было десять рублей.

На Рождество, декабря 25-го весь стольный град Санкт-Петербург веселился и наряжался. Это представляло собой разительный контраст с мрачайшим зрелищем, которое город имел счастье лицезреть совсем недавно. В начале декабря утром от Нижней Благовещенской церкви Алексан-

дро-Невского монастыря во дворец отправился траурный кортеж, сопровождаемый августейшими особами. Перед шествием несли императорскую корону. Так проходило невиданное доселе – перезахоронение давно уже убиенного батюшки нынешнего императора супруга Екатерины II Петра III.

Летописец донес, что «1796 г. ноября 19 числа повелением императора Павла Петровича вынуто тело в Невском монастыре погребенного покойного императора Петра Федоровича, и в новый сделанный великолепный гроб, обитый золотым глазом, с гербами императорскими, в приличных местах с гасами серебряными, с старым гробом тело положено. В тот же день, в семь часов по полудни изволили прибыть в Невский монастырь его... величество, ея величество и их высочества, в Нижнюю Благовещенскую церковь, где стояло тело, и, по прибытии, открыт был гроб; к телу покойного государя изволили прикладываться... и потом закрыто было»

А до того, в конце ноября, совершено было ритуальное сокронование праха Петра III с оным государыни Екатерины Алексеевны. Их величество Павел Петрович изволили лично возложить корону на гроб покойного отца своего, а жена его Мария Федоровна то же самое осуществила с телом покойной Екатерины II, для чего пришлось даже приподнять усопшую как если бы она была жива. Затем гроб с ее телом выставили в траурном шатре Зимнего дворца а рядом по-

ставили привезенный из Невского монастыря гроб Петра III. Через несколько дней гробы перевезли в Петропавловский собор на предмет поклонения, и только затем прах был погребен, причем в один день, как любящих и проживших всю жизнь в мире и согласии сердец.

«Самодержавный государь Петр III, родился в 1728 г. февраля 16 дня, погребен в 1796 г. декабря 18 дня». «Самодержавная... государыня Екатерина II, родилась в 1729 г. апреля 21 дня, погребена в 1796 г. декабря 18 дня»

Надо сказать, что все это произвело на современников тягостное впечатление. Лучшие умы пытались найти сему объяснение, но отступались, бессильные уразуметь. Некоторые полагали, что так Павел подчеркивает, что все-таки он сын Петра III, вопреки слухам, другие сочли, что так он высказывал пренебрежительное отношение к своей матушке, и не в силах отомстить ей на этом свете, стал уничивать уже на том. Тихо шептались, что так «вольные каменщики» — масоны — отомстили императрице за гонения на них, а князь Александр Куракин, как посвященный в тайны масонства, принимал в организации сокоронования самое деятельное участие. Говорили, что и сам император Павел через Куракина стал посвящен в тайны сии, и недаром заставил заговорщиков нести убиенного ими Петра.

Однако рождественская фантазмагория развеяла все мрачные мысли. На Руси издревле было много славных рождественских обычаев. Ель, это «темное и сырое дерево» то-

гда еще не играла в празднике центральную роль, хотя по повелению Петра I еловыми лапами украшались питейные заведения и к тому же катальные горки для скатывания на санях. Европейские порядки на Руси вводились принудительными мерами – так достопамятный приказ Петра *«По большим улицам, у нарочитых домов, пред воротами поставить некоторые украшения от древ и ветвей сосновых, еловых и можжевелевых против образцов, каковы сделаны на Гостинном Дворе»* положил начало будущим гуляньям вокруг наряженной новогодней елочки. Но в конце XVIII века елки только начали появляться в домах петербургских немцев, хотя рождественские гулянья проходили вовсю.

Молодежь разных сословий, ребятя собиралась в говорливые стайки и шла колядовать. Под Москвой любили такую шутку – в рождественскую ночь везли в санках красавицу «Коледу» в рубашке поверх платья. Даже солидные барыги и то надевали личины, сиречь машкерадное убранство, и шли славить Христа. Пели святочные песни, читали молитвы, зажигали масляные фонарики на длинных палках и после восхваления дома и хозяина «христославцы» собирали дань в виде пирогов, конфет, гусятины и прочего. Например читали так:

«Новая радость во всем мире,
Мире нам явился,
Бог царь, от девы Марии
На земли родися.

Дайте, воспевайте,
Возыграйте,
Дай Бог вам,
вам господам,
господиновым женам
Скупно здравствовати.
Виват, виват, многие лета».

Пророк Василий также не забывал о праздниках и молитвах и к Рождеству написал князю Куракину такое послание: *«Ваше сиятельство, Александра Борисович! Приношу вам благодарность: вы меня избавили из темных темниц и от крепких стражей, в которых я был вечно заключен от Самойлова. Вы о сем сами известны, а ныне я по Его Императорскому приказу и вашему благословению свободен и пришел к вам поздравить вас с Христовым торжественным праздником и вас благодарить за таковое ваше ко мне благодеяние. И крайняго я вам за сие желаю душевнаго спасения и телеснаго здравия и многая лета и прочая вся благая и преблагая и пребуду в таковой памяти вечно-незабвенно. Богомолец ваш Василий».*

В свою очередь Александр Борисович сообщил о здравии и обустройстве Васильева его величеству, и тот изъявил желание поторопить митрополита Гавриила с пострижением пророка в монахи. Сия царственная просьба была князем немедленно доведена до сведения митрополита. И крестьянин Василий был пострижен в декабре 1796 года в Алексан-

дро-Невском монастыре с наречением ему имени Авеля. Василий, не в привычках которого было ждать милости от природы, решил отблагодарить и царя – и написал ему отдельное послание. Утром 5 января нового 1797 года Павел Петрович изволил осведомиться у князя:

– Дражайший Александр Борисович, как там поживает наш провидец? Не нуждается ли в чем? Посланы ли ему деньги на обустройство?

– Не извольте беспокоиться, государь Павел Петрович, все исполнено в точности. Сам он полон благодарственных верноподданических чувств. Даже письмо вам сочинил от оных избытка, – пояснил ситуацию князь.

– Письмо? Ну-ка дай сюда послание святого... – Павел I протянул царственную длань и лично, с трудом разбирая почерк, прочел следующее:

«Ваше Императорское Величество, всемилостивейший Государь! С сим, с новонаступившим годом усердно поздравляю: да даст Господь Бог вам оный, а по оном и многие богоугодно и душеспасительно препроводить. Сердечно чувствую высокомонаршия ваши ко мне недостойному оказуемая, неописанныя милости, коих по гроб мой забыть не могу. Осмеливаюсь священную особу вашу просить о следующем и о последнем:

1-е) Благоволите указом не в продолжительном времени посвятить меня в иеромонашеский чин, дабы мог я стояти

во церкви у престола Божия и приносити Всевышнему Существо жертву чистую и непорочную за вашу особу и за всю вашу царскую фамилию, да даст Бог вам дни благоприятны и времена спасительны и всегда победу и одоление на враги и супостаты.

2-е) Егда меня заключили на вечное житие в Шлиссельбургскую крепость, и дал я обещание Богу такое: егда отсюда освободят, и схожу в Иерусалим поклониться Гробу Господню и облобызать стопы, место ног Его.

3-е) Чтобы я был допущен лично к Вашему Императорскому Величеству воздать вам достодолжную благодарность и облобызать вашу дражайшую десницу и буду почитать себя счастливым.

4-е) Благоволите вы мне изъяснить на бумаге, за что меня наиболее посадил Самойлов в крепости, в чем и остаюсь в ожидании благонадежным».

– Однако каков наглец этот пророк! – иногда государь прибегал к сильным выражениям. – В Иерусалим его отпусти... а здесь кто мне пророчествовать будет? Дорога дальняя, случится все может...

– Совершенно с вами согласен, ваше величество.

– А эта просьба вновь принять его? Я устал уже от лобзаний отшельника. Но особенно, князь, меня радует просьба в письменном виде объяснить ему, за что тот очутился в крепости. Я намерен завести особый почтовый ящик, послание в

кой сможет опустить всякий желающий, и собственноручно доставать оттуда почту, дабы таким образом знать все о чаяниях и нуждах моего народа, но это – уже явное злоупотребление милостями моими. Если бы в империи нашей цари лично бы писали всем арестантам причину их заточения, не хватило бы ни бумаги, ни перьев, даже если ощипать всех гусей, сколько их ни есть на Руси!

– Несомненно, Павел Петрович, – князь всегда соглашался с Государем, когда речь шла о вещах философских.

– Хоть он и свят и Богом просвящен, но зело дерзок. Другого бы выпороть приказал. Не пророчествовал бы – и никаких крепостей бы не было.

– А еще митрополит Гавриил попрекал Васильева, что мечтает-де достичь архиерейского достоинства, а сие иеромонаха звание – лишь первая ступень высокой лестницы, – Александр Борисович не стал покрывать зазнавшегося пророка.

– Пишите, князь – повелеваю: *«прошение Васильева оставить без уважения, но для сведения митрополита заявить ему сие»*

Между тем наши герои тоже были не чужды мирских радостей. Во дворце князя Куракина, где окопались граф Г. и Морозьявкин, подготовка к светлому Рождеству Христову шла полным ходом. Слуги чистили и скоблили все залы и комнаты куракинского дома, вылизывая их чуть ли не

языком, в сияющих цветных паркетинах отражался потолок, лепнины протирали тряпками, позолоту чистили нашатырем и зубным порошком. Повара в кухмистерской жарили и парили гусей, уток, пекли пироги с капустой и зайчатиной, варили рождественские наливки, словом все было прямо замечательно.

Но зайдя однажды к Морозьявкину, граф обнаружил его весьма грустным и рассеянным. Это удивило Михайлу и даже слегка расстроило.

– Что с тобой? – поинтересовался он заботливо. – Съел чего-нибудь не то или служанка Надин наконец послала тебя к черту?

– Да нет, желудок в порядке. А Надька – да куда она денется... Дело, брат, не в этом, – Вольдемар поправил подарочную рубашку и метко запустил гусиным пером в подсвечник на стене.

– А в чем же тогда?

– Чую я – конец нашим приключениям. Ну что это, в самом деле – съездили за пророком, привезли, посмотрели на него и назад отправили. Вот и все... Нет, скоро нас отсюда попрут. Тебе-то хорошо – ты граф и с Куракиным коротко знаком, а вот я... Скоро попросят меня с квартиры, чую. Сколь веревочке не виться...

– Ну вот еще, что за мрачные мысли! Не пророк, так еще что-нибудь подвернется... Да и это приключение еще не закончено... у меня тоже есть чутье. Кроме того пора уже нам

очнуться от спячки – к нам в гости едет Сашка Надеждин со своей законной супругой!

– Святые угодники! Это та самая баронесса Ольга, к которой ты клеился, а он у тебя ее увел? – Морозявкин был правдив, но бестактен.

– Да, она, – граф Г. не любил, когда приятели шутил над его почти уже совсем погибшей любовью.

– Пора тебе наряжаться и прихорашиваться! – с этими словами Вольдемар решил не жаловаться более на судьбу, а подождать развития событий.

И в одно прекрасное зимнее утро у ворот действительно остановилась сияющая карета и оттуда выпорхнула счастливая семейная чета – барон и баронесса Надеждины. Они выглядели ужасно счастливыми как в медовый месяц и все время перешучивались на французский манер. Немедленно состоялась бурная и радостная встреча в стиле «сколько лет, сколько зим!» Баронесса, как отметил про себя граф Г., а Морозявкин не приминул высказать вслух, нисколько не изменилась – она была как и прежде прекрасна, молода, легкомысленна и небрежна. Одета она была в скромное муслиновое платье и беличью шубку. Сам господин барон был принаряжен весьма модно, но в то же время казалось, что он только что загнал волка или стаю лисиц – что-то егерское нельзя было полностью изгнать из его наряда.

Похихикав с графом и милостиво разрешив себя поцеловать, баронесса поприветствовала Морозявкина и прошла

в дом – обрадовать своим визитом «папеньку» князя Александра Борисовича. А граф Г., Вольдемар и Александр Надеждин еще долго трепались на конюшне, затем пошли в дом, прокурили голландскими трубками комнаты и решили выпить за встречу. Вспоминалось все то же – студенческая юность, «мои университеты», пьянки и гулянки, драки и попойки, скоро перепились до того, что вспомнили даже лекции и перечислили имена профессоров вкуче с названиями предметов. Возгласы вроде «а помнишь...», «еще бы» и прочие разносились по гулким залам. Дым стоял столбом, хотя пространство и возможности наших героев были весьма ограничены.

В это время баронесса Ольга уже впорхнула в кабинет свекра – отца «милого СашА» и обвила его шею своими нежными ручками. Князь Куракин за свою долгую жизнь (историки указывают, что он завел до семи десятков внебрачных детей, устанавливая связи с различными слоями общества) привык, что его шею часто обнимали нежные женские ручки, но здесь он был слегка смущен. Ольга была как всегда прелестна, ее щеки пахли морозом и свежестью, слегка покраснев от волнения госпожи.

– Ах, папА! Я так рада вас видеть... Вы слоль шарман и манифик – ком тужур!

– Вы же, госпожа невестка, беспримерно очаровательны... – князь улыбнулся тонкой улыбкой мудрого змия.

– Да разве замужем за Александром можно быть не оча-

ровательной? Ведь он ваш сын и во всем на вас похож... Те же глаза, тот же взгляд, за это я в него и влюбилась! – Ольга кокетливо потупила глазки.

Князю всегда казалось, что со стороны сына это действительно была влюбленность, со стороны же невестки – лишь холодный расчет, но он не стал делать нотаций на сию тему. А Ольга не пожелала ее развивать – дело в том, что ей и вправду ужасно хотелось стать баронессой, жить во дворце, иметь прислугу и роскошный выезд, не считать деньги на наряды от парижских и лучших петербургских портных, а кроме того она умела влюбляться тогда когда это было нужно и в кого нужно.

Несмотря на молодость, она быстро сделала свой выбор – Александр, хотя и незаконнорожденный сын, пользовался большой любовью своего папеньки князя, который выхлопотал для него у Австрийской империи грамоту на баронство. У влюбленного когда-то в Ольгу графа Михайло тогда еще не было ничего, а его папенька, старший граф Г., пребывал во вполне добром здравии и лишь изредка снабжал сына некоторыми суммам с доходов от имения, необходимыми для безбедного проживания в Санкт-Петербурге и обучения за границей.

Впервые увидев Ольгу, которая тогда была еще милее, граф просто потерял голову от ее прелести, но сама будущая баронесса Надеждина терять ее отнюдь не собиралась и мягко, но жестко, как кошка лапой, держала графа на дистан-

ции, не отпуская но и не давая слишком приближаться. Это был ее запасной вариант.

– Я весьма рад, что ты любишь Сашу за его достоинства, а не за титул или богатство! – князь Куракин любил откровенных женщин. – Все ли у вас хорошо? И когда порадуете меня внуками?

– Да, мерси, все идет слава богу, папенька. СашА увлечен охотой, целыми днями ездит по лесам с егерем и собаками. Но зато вечерами он так любезен...

– Охота – это дело зело доброе. Может как выедет на вольный ветер, в голове ветру поубавится. А что любезен – так это и к лучшему, как говорится совет да любовь! Надеюсь что за внуками дело не задержится...

– О, князь, мы постараемся! – Ольга покраснела еще очаровательнее.

– Надеюсь на вас! Ну ступай... устраивайся! Надеюсь, погостите неделю, не менее.

– Наверное дня три... СашА не может без охоты! Хотя мне так скучно в деревне. Я так мечтаю посмотреть, чем сейчас живет, чем дышит столица – театры, модные салоны, портные, куафюр... На это нужно месяц, но сие невозможно!

– Все возможно – было б желание! Помните – здесь вы в родном доме, не гости, а хозяйева.

– Да, я даже недавно услышала премиленький стишок про ваше имение в Надеждино! – Ольга звонким голосом первой ученицы наизусть продекламировала стихи.

– Здесь пристанище покоя.
Удаляся от сует,
Сам прелестно все устроая,
Здесь КУРАКИН князь живет.

Здесь не те уже забавы,
Забав имя что несут
Здесь нет блесков пышной славы,
Что тщеславный дух влекут.

Здесь природа, упражненье,
Здесь богатство дар земли.
Здесь двор тем, кто для веселья
Изо-всех стран притекли.

Здесь поля, луга и рощи,
Быть в печали не дают;
Здесь спокойно спят средь ночи,
И в забавах дни текут.

Здесь музыка, здесь катанье,
Сердоба стала Невой;
Здесь тем весело гулянье,
Что нет почести пустой.

Здесь все веселы предметы,
И в палатах, и в избе;
Здесь и песни и Арьеты,

Здесь рожок и Изабе.

Прелесть сельску здесь вкушаем,
И приятность городов;
Изъяснить что здесь встречаем,
Нет на то способных слов.

Здесь и воздух столь полезен,
Что не можно больну быть;
Здесь хозяин столь любезен,
Что нет способу грустить.

– А, помню, помню, это про мое скромное земное обиталище Алешка Копьев сочинил! А мадам Изабе знаешь кто? Настоящая маркизша, как ее князь Долгорукий звал, из Парижа! У нас ее «Изабейшей» дразнили. Приятная дамочка была, ловкая, муж на скрипке скрипел! Да, славно у нас там бывает, но и тут, в Санкт-Петербурге, мы повеселиться умеем... Ну, ступай, – с этими словами князь отпустил баронессу и принялся разбирать многочисленные бумаги.

А в это время дым в комнате графа уже перестал стоять столбом. Сашка Надеждин заснул поперек графской кровати с бутылкой в руках, и даже привычный к выпивке Вольдемар начал клевать носом. Делать более было нечего, ужин они благополучно пропустили и граф решил немножко пройтись по дворцу перед сном, поискать каких-либо приключений на свою графскую мыслительную или же мягкую часть тела.

Дом вечерами был полон тайн и загадок. В каминных трубах свистел ветер. Часто слышалась отдаленная музыка, даже когда князь не приглашал никакого оркестра. Темные петербургские вечера навевали философские мысли.

Неожиданно он заметил женскую фигуру возле большого стрельчатого окна. При ближайшем рассмотрении фигура оказалась баронессой Надеждиной, которая как раз решила немного прогуляться перед сном, а если удастся, то и подышать воздухом. Она очень удивилась, заметив Михайлу.

– Ах, граф, это вы... какая неожиданность! А я уж было испугалась. Представьте себе – темно, свечи мерцают где-то вдалеке, и вдруг черная фигура приближается ко мне, отбрасывая разные тени...

– Представляю, баронесса... наверное вы ужасно испугались!

– Да... ужасно... ходите тут ну прямо как тень отца Гамлета... пугаете меня, бедняжку!

– Бедняжка, но вы такая стройная... ничуть не изменились... – граф почему-то смутился и даже покраснел. К счастью в темноте этого не было видно.

– Хорошо, что мы редко встречаемся! – Ольга почему-то обрадовалась. – Так вы представляете меня замечательной и милой...

– Ах, я знаю, наша встреча мимолетна и случайна! – вздохнул граф Г.

– Да, случайна!. Немедленно забудьте обо мне, граф! Сию

же секунду... Забыли?

– Уже забыл...

– Ну идите... спать!!! И я тоже пойду... СашА заждался, полагаю.

Граф Г. вернулся к себе в келью... то есть в комнату, и, для вящего удобства сняв с подушки сапоги Морозьявкина, с горя стал читать окончание допросных листов пророка Авеля в тайной экспедиции.

– **Вопрос.** *Из показаний твоих и в сочиненной книге твоей усматривается дерзновенное прикосновение до высочайших императорских особ, о котором мнишь ты удостоверить, якобы то происходит от таинства, в Священном Писании содержимого и тебе чрез неизвестный глас открытого, а как таковые бредни твои заслуживают ни малейшего внимания и по испытанию тебя в Священном Писании оказалось, что ты не только о нем ни малого сведения, но и никакого понятия не имеешь, то, отложя сии неистовые нелепости и лжи, открыть тебе самую истину без малейшей утайки: 1-е) где о падении или свержении императора Петра III-го от царствования узнал, от кого, когда, при каком случае и как? 2-е) хотя ты и показываешь, что восстание государя цесаревича на ныне царствующую всемилостивейшую императрицу слышал ты от старых солдат, подчивая их в кабаке, но как и сие показание твое не имеет ни малого вида вероятности, то объявить тебе чистосердечно: где*

именно, как и через какие средства, при каком случае, от кого именно узнал и для какой причины спрашивал ты о свойствах Его Высочества, так как не касающегося до тебя дела, ибо в том только единое спасение твое зависит от приготавливаемого тебе жребия?

– **Ответ.** Есть ли Бог и есть ли диавол, и признаются ли они [следствием]?

– **Вопрос.** Тебе хочется знать, есть ли Бог и есть ли Диавол, и признаются ли они от нас? На сие тебе ответствуется, что в Бога мы веруем и по Священному Писанию не отвергаем бытия и диавола; но таковы твои недельные вопросы, которых бы тебе делать отнюдь сметь не должно, удовлетворяются из одного снисхождения, в чаянии, что ты конечно благосклонностию будешь убежден и дашь ясное и точное на требуемое от тебя сведение и не напишешь такой пустоши, каковую ты присылал. Если же и за сим будешь ты притворствоваться и отвечать не то, что от тебя спрашивают, то должен ты уже на самого себя пенять, когда жребий твой нынешний переменится в несноснейший и ты доведешь себя до изнурения и самого истязания.

– **Ответ.**

1. О падении императора Петра III-го слышал он еще из детства, по народной молве, во время бывшего возмущения от Пугачева, и сие падение разные люди толковали, кто как разумел; а когда таковые же толки происходили и от воинских людей, то он начал с того самого времени помышлять о сей

дерзкой истории; какие же именно люди о сем толковали и с каким намерением, того в знании показать, с клятвою, отрицается.

2. О восстании государя цесаревича на ныне царствующую всемилостивейшую императрицу говорит, что он сие восстание понимает под тремя терминами: 1) мысленное, 2) словесное и 3) на самом деле. Мыслию – думать, словом – требовать, а делом – против воли усилием. Сих терминов заключение и пример взял он из Библии, которую читая делал по смыслу заключения и начал описывать. Тетради его как настоятелю, так и братии были противны, и они их жгли, а сочинителя настоятель за то сажал и на цепь. Но его тревожил все тот же слышанный глас, и он решился идти в Петербург. Здесь начал он искать, кто бы ему сказал о нраве его высочества. Под Невским монастырем попался ему старый солдат, коего он не знает, и этот солдат удовлетворил его желанию. В писании своем советников и помощников не имел и бывшее ему явление признает действием нечистого духа, что и утверждает клятвою, готовя себя не токмо жесточайшему мучению, но и смертной казни. Подписался: «Василий Васильев».

На следующий день проснувшийся с тяжелой головой граф Г. не без грусти подводил итоги прошедшего дня. Негодяйка баронесса, которую он, понимаете ли, так любил, почему-то упорно желала оставаться верной своему мужу и ни-

кому более. Граф привык вовсю пользоваться своей привлекательной внешностью, но годы шли, он не молодеел, а женщины его круга и возраста становились все старше и расчетливее. Словом найти достойную его постоянную спутницу жизни было не так-то легко, случайные же романы ему уже наскучили. Однако утро выдалось морозным и ясным, и Новый год уже стучался в двери.

Праздники веселым хороводом заставили забыть обо всех невзгодах и дарили и взрослым надежды, присущие лишь юношам. В череде святочных дней, летевших один за другим, и плавно подошедших уже к Крещению, однажды после легкого завтрака графа Г. поймала мамзель Лесистратова, которая как раз случайно пробежала мимо.

– Граф, что же вы скучаете? – ласково поинтересовалась она у Михайлы. – Идемте со мной!

– С вами? Но куда же? – граф сделал вид, что не понимает и вовсе ничего.

– Да разве вы запомнили, что нынче святки? Все шутят и веселятся! – Лесистратова кокетливо взглянула на графа и куда-то в сторону.

– Веселие на Руси есть питье, – ответил граф Г. слегка поморщившись от ужасной мигрени после вчерашнего.

– Нет, вовсе не только питье, не только! У нас нынче вечером маскарад. Вы не знали? – Лизонька была настойчива и любознательна.

– Маскарад? О боже... опять куда-то ехать. Да и потом,

что ж интересного там может случиться? Опять все наденут эти дурацкие маски и станут делать вид, что не узнают друг друга, между тем их можно узнать за версту!

– Ну вы не скажите, граф! На машкерадах в Зимнем дворце, да еще и в крещенскую ночь иногда случаются прямо чудеса! Готовьтесь! – этими словами Лесистратова упорхнула неизвестно куда, так что оставалось только удивляться.

Однако пришедший вечер и вправду несколько развеял тоску. Зимний засиял огнями, и в жданный час все заходило ходуном. Подкатывали золоченые кареты, ржали вороные кони, словом все шло правильным путем-дорожкой. Маскарады тогда были в моде – даже само рождение Павла Петровича отметили тремя днями костюмированного действа. Празднества проходили в Зимнем дворце, Царском селе, Ораниенбауме и прочих местах гламурных тусовок и светских раутов того времени.

Кавалеры и дамы собирались, заиграла музыка, пары закружились в танце. Тогда танцевали новомодный вальс, который хоть и считался поначалу достоянием мещанства, но начал уже захватывать все новые сословия. Давно уже ушел в прошлое изысканный менуэт, который отплясывали еще на памятных ассамблеях Петра Первого, даже на придворных балах его уже нельзя было увидеть. И бравурный полонез теперь не занимал так умы светских модников, как предполагший тесный контакт партнеров вальс. Пары, конечно, не прижимались друг к другу, как в последующие столетия, но

намека на некую фривольность и раскованность появился, и весьма очевидный.

Маски во дворце кружились с пугающей быстротой. Черные и красные, и изящные бархатные, и жуткие звериные – словом увидеть можно было решительно все. В пылу танца граф Г. начал кружиться с какой-то таинственной, но, тем не менее очень симпатичной девицей. Он как-то внезапно увлекся ей, тем более что у него почему-то возникло ощущение что он ее уже очень давно знает и она ему просто как родная. На ней было надето длинное светлое платье, перевязанное по рукавам голубыми бантиками, с таким же бантом на шее, а длиннейшие локоны цвета соломы были завиты в косы и падали на грудь, при этом вдобавок казались искусственными. Румян было столько, что даже черная золоченая маска не могла их скрыть.

– Кто вы, прекрасная маска? – поинтересовался граф после первого круга вальса.

– Ах, разве вы меня не узнаете? – маска жеманно захихикала. – Правда, не узнаете?

– Решительно нет! – граф вгляделся в прорези, за которыми светились будто бы смутно знакомые глаза.

– А ведь я.... я твой друг Вольдемар!

Граф Г. прямо отшатнулся от неожиданности, но быстро овладел собой.

– Ты совсем что ли свихнулся? – поинтересовался он у «девицы» вежливо.

– Да брось, пошутить что ли нельзя? – Морозявкин глупо захихикал, и тут обнаружилось, что он уже прилично набрался горячего грога, который по самоновейшей французской моде начали подавать, дабы на машкерадах люди веселились непритворно. Граф даже удивился, как же это его приятель все еще держался на ногах. Между тем Морозявкин выглядел весьма довольным собой.

– Пойдем на воздух, тут такая жара... я аж взопрела! То есть взопрел... Ты бы видел, как ко мне клеились – никогда не имел такого успеха мужчиной, как теперь, став на время женщиной.

– Немедленно опять стань мужчиной! Я тебе не Генрих Валуа какой-нибудь, чтобы превращать дружбу с приятелями в любовь! – Граф Михайло не желал давать волю всевозможным извращениям и излишествам.

Приятели вышли на балкон. Звездная ночь глядела на них тысячами небесных глаз. Свежий воздух отрезвил кружащиеся головы.

– Зря, зря, я мог бы быть твоим любимым фаворитом! – Морозявкин вздохнул. – Но ты лучше послушай, что я тут разнюхал! Право, женщиной быть гораздо удобнее. Знай, раздвигай ножки – только соображай перед кем!

– И перед кем же ты успел? – Граф Г. перешел на совсем уже черный юмор.

– Брось, ты же меня знаешь. Я только немного развлекаюсь, да. И хочу продолжить нашу приключенческую стезю.

Но, кажется, и стараться особенно не придется... Так вот, я узнал, что...

Но графу Г. так и не удалось узнать, что же услышал Морозявкин и от кого. На террасу неожиданно выкатился вдребезги пьяный гвардейский офицер Преображенского полка и немедленно начал орать страшным басом.

– Ах вот ты где! Мерзавка, шлюха чертова, изменщица коварная! Только отвернулся – а ты уже шастаешь с другим!

– Я вас не знаю, сударь! Впервые вижу! – Морозявкин попытался убежать от разгоряченного вином гвардейца, но тот крепко вцепился ему в платье.

– Я не потерплю, чтоб надо мною издевались! Затронута моя офицерская честь!

Граф немедленно выступил на защиту «дамы».

– Милостивый государь, вы наглец!

– Кто это наглец? А скажите мне, граф, вас никогда не били в морду?

– А в чем причина сего вопроса?

– А в том, что мне видите ли очень хочется это сделать!

– Ну если вам так хочется... почему бы и не попробовать? – граф всегда был чуток к желаниям и сокровенным чаяниям ближних своих, даже сели видел их в первый раз в жизни.

– А вот и попробую! – с этими словами гвардеец сжал огромный кулак и постарался нанести чудовищной силы удар.

Однако граф Г. ловко уклонился и небрежным с виду движением перебросил здоровяка через перила вниз, в сугробы. Крик его быстро замер в темноте. Когда же граф, насладившись зрелищем барахтавшихся в снегу ног, обернулся к Морозьявкину, желая похвастать своей ловкостью и сказать что-то вроде «видал как я его», он обнаружил, что хвастаться не перед кем – того уже не было рядом. Рядом вообще никого не было – только почерневшее небо, почему-то потухнувшие окна дворца, в котором перестала играть музыка, огромные вороны, которые каркали над ухом. Граф вбежал во дворец – там только кружили черные тени, и более не было никого. Секунду он смотрел на все это остановившимся взглядом, а затем потерял сознание.

Глава 7, в которой граф Г. впервые слышит про Черного барона

Туманное и седое утро застало графа Г. в неопределенном месте и в неопределенной позе. Несколько секунд он лежал с закрытыми глазами, не решаясь их открыть. А когда он все же продрал их, то обнаружил себя лежащим в собственной постели. Рядом сидела какая-то дама. При ближайшем рассмотрении она оказалась мамзель Лесистратовой. Лизонька читала книжку, тихо перелистывая хрустящие страницы. Граф небрежно застонал, желая прилечь к себе внимание. Девушка подняла голову.

– Ах, граф Михайло, вы очнулись? Слава Богу!

– Что случилось? Как я попал сюда?

– Мы нашли вас перед дворцом на снегу... вы так замерзли! Просто ужас. Пришлось спасать, везти домой, растирать водкой, не могли понять что же с вами стряслось... Ах, можно ли так много пить? – Лизонька произнесла это с нравоучительными интонациями в голосе.

– Нельзя, но приходится... Да хотя что же, вы думаете что я спяну там валялся? Да я ни капли! Вообще ничего не помню. Помню что повздорил там с одним... господином... а потом пустота...

– Пустота! Шампанское, рейнское, токайское и конечно

пустота потом! Это так естественно!

– Нет, я...

– Бесполезно оправдываться. Ну и раз вы проснулись наконец, вам следует знать, что князь очень хочет вас видеть.

– Это еще зачем? – граф Г. закатил глаза и болезненно поморщился, но на Лесистратову это почему-то не произвело ни малейшего впечатления.

– Вставайте, граф! Вас ждут великие дела. Камзол и бриджи на стуле.

Делать нечего – пришлось вставать и идти. Более всего графа нервировало то, что было не вполне понятно, что же произошло. Он не желал верить в мистику, но тут трудно было придумать правдоподобное объяснение. Одевшись и наскоро умывшись, он предстал пред очи князя.

На этот раз Александр Борисович был мрачен как никогда ранее. Вице-канцлер неожиданно потерял весь свой, казалось бы, неотъемлемый лоск, как-то поблек и пожух. Даже бриллиантовые пуговицы на камзоле потускнели. Он стоял у стола кабинета, тяжело опершись на его край, и вовсе не смотрел в сторону графа Михайлы.

– Ваше сиятельство, что случилось? – спросил граф Г. в крайнем недоумении. – Вы вчера выбрали не ту табакерку к костюму?

Тут надобно заметить, что в светских кругах частенько вспоминали забавный случай, когда князь Куракин во время карточной игры у покойной императрицы проигрался в пух

и прах только потому, что ему стало дурно – он неожиданно обнаружил ужасную ошибку камердинера, из-за которой его перстень не соответствовал табакерке, а табакерка платью. Впрочем остальные гости видимо не отличались столь тонким вкусом и ничего не заметили. Табакерок же у «бриллиантового князя» насчитывалось полторы сотни.

– Куракин несколько секунд молчал, как бы собираясь с мыслями.

– Ты вопрошаешь меня что случилось, Михаил? Случилось страшное. Вчера в Гатчинском дворце пропала шкатулка с завещанием – пророчеством нашего провидца, Василия. Караул ничего не помнит. Государь в шоке. Я как в тумане.

– Но... как такое возможно? – граф был в недоумении.

– Не знаю! – князь был раздражен и не собирался этого скрывать. – Шкатулка с царским завещанием была взломана, шелковый шнур вокруг нее сорван, столбики опрокинуты, все часовые валялись в беспамятстве. Вот что, граф Г., я немедленно отправляю тебя в погоню. Ступайте, сударь, и без тетради не возвращайтесь.

– В погоню за кем, ваше сиятельство, есть ли какие-либо следы похитителей? – граф как всегда был дотошен.

– Да, негодяи наследили! Кажется, мы даже знаем кто это был.... – князь неожиданно перешел на шепот.

– Вот как? И кто же? – граф весь обратился в слух, боясь пропустить хоть слово. Князь Куракин огляделся вокруг, убедившись что их никто не подслушивает, проверил, плот-

но ли прикрыта дверь, и наконец прошептал:

– Это... это... это Черный барон.

Так граф Г. впервые услышал мрачное имя Черного барона, наводившее ужас на светские гостиные не только Санкт-Петербурга, но и всей Европы. Впоследствии ему не раз пришлось пожалеть о том, что он вообще ввязался в эту историю.

– Черный барон? Что это за странное прозвище?

– Он... ну видишь ли, дружочек... так именуют некоего человека, обычно одетого во все черное. По манерам и обхождению он дворянин, аристократ, говорит на французском, английском, немецком, португальском, да еще на десятке языков и на всех как на родном, так что даже не поймешь, откуда родом и какой нации. Он часто появляется на различных приемах и в светских салонах, обычно никто не узнает его сразу, даже те, кто слышали о нем истории, уже ставшие легендой, – князь закашлялся и отвел взгляд.

– Но чем же он так знаменит? Разве он лишь расхаживает по гостиним и отпускает дамам комплименты?

– Ах, если бы... Я расскажу тебе одну историю, для твоего образования в сей деликатной сфере. Несколько лет назад в посольстве одной европейской страны произошел престранный случай. Король этой страны прислал нашей матушке-императрице важнейшую бумагу – письмо с предложением военного союза. Письмо сие должно было быть доставлено в императорский дворец, и о том было известно. Одна-

ко наутро курьер не прискакал. Послали к воротам драгунов – те вернулись и докладывают, что, дескать, ворота распахнуты настежь, а никого не видно. Переполошились, собрали экспедицию, поскакали целой кавалькадой – и из полицейской части, и гвардейцы, и министры. Зашли внутрь – а там все лежат вповалку, будто спят. Пригляделись – кто без сознания, кто дремлет, а некоторые...

– Что-с некоторые? – граф нахмурился. Князь зябко поёжился и досказал.

– Некоторые, сударь ты мой, мертвые, совсем неживые. Лица сморщенные, волосы седые клочьями, и даже платье истлело. Ружья ржавые у солдат. А ведь всего сутки прошли, не более...

– Сказки! – граф Г. не был склонен верить в мистику. – Кто это видел своими глазами?

– Кто своими глазами видел, тех уж на свете нет. Но все правда... вот с тех пор и пошла легенда о том, что черный барон умеет останавливать время. И сам не старится. Сколько уже веков прошло, а он все тот же.

– Вы думаете, что именно он побывал тогда у посланника? Но зачем?

– Более некому. Тут видишь ли, маленький нюанс. Говорят, что барон не только владеет временем, но и не любит, когда кто-то на него покушается. В посольстве же лежал такой указ, который мог целую эпоху изменить! И возможно сие не понравилось барону и его хозяевам...

– Хозяевам? Выходит, что этот барон действует не один? – удивился граф Михайло. Но князь Куракин не поддержал эту тему.

– Я и так слишком уж много тебе сказал! Для тебя важно знать самое главное – завещание Государя нашего, она же секретная тетрадь пророка доморощенного Василия, ставшего ныне монахом Авелем, многим не по нраву. Сам посуди, зная будущее нетрудно его и изменить, а не только предвидеть. Хранители времени этого не потерпят. А впрочем, Бог знает, кому все это понадобилось, я-то не провидец. Но вчера во всех дворцах разом, и в Гатчине, и в Зимнем, и в прочих, в полночь повсеместно у людей сделалось как бы помутнение рассудка, такой вот машкерад. Видно барон разгневался на нас, и в сей суматохе тетрадь и умыкнул. В общем, найди его! Паспорта я тебе выпишу, поедешь за границу. Там он, не иначе.

– А может быть я возьму Вольдемара?

– Да бери ты своего Морозьявкина, подавись им! – Обычно любезный Александр Борисович сейчас несколько разволновался. Только скажите во весь опор. Да, и око генерал-прокурора, девица Лесистратова тоже с вами поедет.

– Благодарствую! А вот что мне в голову пришло... Нельзя ли заставить этого самого пророка еще раз все записать? Ну что ему стоит?

– Это вряд ли... Сие божие откровение, и дважды не повторяется. А впрочем, попробуй! А потом пулей назад. Пе-

ред выездом тебя еще ждет аудиенция. Высочайшая! Поспешите.

Граф Г. поклонился и вышел из княжеского кабинета. Через некоторое время он вспомнил о Морозьявкине. Со всей этой суматохой он несколько забыл о нем, а ведь не видел друга Вольдемара уже... постойте, когда ж они с ним виделись в последний раз? Ах да, на балу... во дворце... что-то он кажется, пытался ему сообщить... только вот что? Решительным шагом граф пустился на поиски приятеля.

Сначала он надеялся его найти в его комнате, затем в комнате горничной Надин, потом перенес свои поиски в кладовую, куда Вольдемар частенько наведывался как в собственную, но все было напрасно. Тогда граф решил расспросить слуг. К его удивлению, никто ничего не знал. Он наведался в конюшню, в погреба, даже в сарай, где хранилось сено, но все было напрасно.

Огорченный Михайло стал вспоминать. Последний раз он видел Вольдемара на том злополучном балу, где тень Черного барона погрузила всех в беспамятство. Он кажется что-то хотел сказать ему, но помешал подвыпивший гвардеец (убить мало мерзавца), а потом... время остановилось? Неужели такое возможно? Нет, вздор. Но где же Морозьявкин? Замерз ли в снегу, убит ли темными силами, да не черт же его унес, в самом деле?

За этими рассуждениями граф Г. вернулся в теплый дворец и еще раз напоследок зашел в комнату, где квартировал

Вольдемар. Окинув все взглядом и отметив следы чудовищного беспорядка, который, впрочем, уже частично уничтожила горничная, он хотел было выйти вон, как вдруг заметил под кроватью рыжий кончик ботфорта. Он наклонился и попытался было достать сапог, но не смог сдвинуть его с места. Потянув сильнее, он к своему крайнему изумлению увидел, что в ботфорт вдет чья-то нога. Дернув изо всех сил, он извлек из под кровати все тело – это был друг Вольдемар! Бог весть как он тут очутился и почему его никто не заметил, но радости графа Михайлы не было предела. «Пьяная свинья, но все же нашелся! Неужели не проспался до сих пор – а, впрочем, жив и слава богу...» – с этими мыслями граф перевернул лежащего на спине Морозьявкина лицом вверх – и в ужасе отшатнулся прочь.

Морозьявкин был совершенно седой. Более того, он ужасно побледнел и осунулся, постарев лет на десять. Черты лица его иссохли как у египетской мумии. Граф, оправившись от первого шока, начал трясти его и хлестать по щекам, а затем даже влил ему в горло несколько капель вина из бутылки, которая к счастью стояла неподалеку. Через несколько глотков Вольдемар уже самостоятельно вцепился в бутылку высохшей рукой.

– Где я? Что со мной? – прошамкал он дребезжащим старческим голосом.

– Вольдемар! – срывающимся голосом возопил граф. – Что с тобою случилось!? Ты что-нибудь помнишь? Почему

ты не вылезал? Как ты вообще попал сюда?

– Не помню...

– Ты что-то хотел мне сказать? Там на балу? Помнишь?

– Не помню... все стерлось...

– Вспомни! Постарайся! Это связано с Черным бароном, да?

При последних словах Морозьявкин вскрикнул и потерял сознание. Перенесся на кровать, граф Г. снова отхлестал его по полуистлевшим щекам, набрал в рот вина и брызнул Морозьявкину в лицо. Когда тот очнулся, граф выдохнул, перебрался на середину комнаты, скрестил руки на груди и задумался. Через некоторое время он решительным шагом вышел приказать седлать лошадей и найти Лизу Лесистратову.

Найдя ее, он объяснил, что медлить нельзя ни минуты, что с Вольдемаром случилось какое-то несчастье и что надо одеваться и скакать в монастырь к пророку немедленно, с тем чтобы по возвращении снова скакать, но уже за границу. Обычно упрямая, мамзель Лесистратова на сей раз довольно легко вняла настойчивым объяснениям, и потратила на одевание и сборы всего лишь час времени, что для дамы в ту эпоху означало прямо одеться по пожарной тревоге, так что уже вскоре они бок о бок скакали по серым петербургским улицам. Добравшись на вспененных лошадях до монастыря, они почти-тельнейше испросили аудиенции у епископа и через кратчайшее время очутились в скромной келье новопостриженного иеромонаха Авеля.

Однако пророк принял их на этот раз совсем неласково. Наконец приняв долгожданный постриг, он решил, что цари земные более уже не могут ему дать ничего.

– Зачем пожаловали? – осведомился он сварливым голосом. Я все уж выложил, что знал.... сухой я и выжатый, аки пустая березка после весны...

– Мы... Василий... видишь ли тут дело какое... – забормотал граф с невесть откуда взявшимся и совершенно несвойственным ему смущением..

– Знаю, знаю, все мне ведомо, провидцу... поперли бумажки-то, расхитили? – пророк захихикал в нечесаную бороду.

– Ну да... и.... – продолжил было мямлить граф.

– И хотите чтоб я помог их найти, да? Шиш вам! – перебил монах злобно сверкнув очами.

– Нет, не найти. Мы и сами найдем. А может ты Василий, сын Васильев, еще раз нам все перепишешь? – более смелая Лиза пришла на помощь графу Михайле.

– Вот еще! По указке работать не желаю, хоть бы и царской... Никак сие невозможно. Нереально, однозначно. – безапелляционно заявил Васильев сын, проигнорировал Лизаветину смелость.

– Ну ради нас! Александр Борисович просили, лично-с... – с удвоенной силой заканючил немного освоившийся граф, и как-то неловко скособочившись поклонился.

– Ну разве что... Бог с вами, уж напоследок-то попро-

бую... сейчас, сейчас... – сменил гнев на милость несколько опешивший пророк.

Он уселся в позу мыслителя, которую вряд ли где ранее видел, и закатил глаза. Присутствующие почтительно замолчали. Затаив дыхание, граф Г. и Лиза Лесистратова смотрели на попытку Василия вот так, по заказу почтеннейшей публики, услышать божие откровение и ангелов господних. Однако их ждало разочарование. Правда монах Авель трясся как припадочный и закатывал глаза, но его бессвязное бормотание не проясняло картину грядущего. Удалось разобрать только отдельные странные возгласы «Главное нАчать, и процесс пошел! Вот ведь какая загогулина получается, понимаешь! Ведите себя прилично! И ручку отдайте!», причем произносил их Авель почему-то разными голосами, и иногда путал ударения. От напряжения у графа Михайлы заболели уши. Лиза же все спешно записывала в особый блокнотик, отчаянно скрипя и брызгая гусиным пером, а перечтя тихо засмеялась.

– Василий, голубчик, что это? Что сие значит? – уточнила она.

– Это цари грядущего так будут говорить.... Откровение из будущих веков... – пояснил Василий, опамятовавшись и утирая лоб грязным платком.

– Цари? Да полно тебе, у нас в губернии так и крестьяне не говорят! – Граф Г. сильно разгневался. – Скажи ясно – можешь ты вновь бумага тайные записать?

– Я уж сказывал, а для зело одаренных графьев и князьев повторюсь – не могу-с! Ясно ли, сударь мой? Нет, и не просите! Я как чистый листок, не помню более ни строчки! Написал на бумаге да и позабыл все тут же... Пока не будет мне нового откровения – не могу, – пророк насупился и повалился на узкую кровать кельи, давая понять, что прием окончен.

– А когда ж оно будет, новое откровение-то? – Лиза была настойчива.

– А кто ж его знает, господа нашего. Может через месяц, может через год, а может и вовсе не быть. На все Его воля. Да мне стараться лишний раз никакого резона нету, нету. Вот посудите сами – напишу я предсказание, а там, в будущем, какой-нибудь черномазый сукин сын, прохиндей выищется да на мне карьеру сделает, а зачем оно мне надо? Найдет мою тетрадку да и станет по ней всем предсказывать направо и налево, а у самого провидческого дара ни на грош-копейку! Тьфу! – пророк заранее высказал свое презрение к предполагаемому жулику-плагиатору.

– Тут еще одно дело... приятель мой, Вольдемар... с ним несчастье случилось... – решил сменить тему граф.

– Постарел преждевременно? Как я и предсказывал? А не надо было смеяться... Да-с, не надо! Над своей судьбой-судьбиной смеяться-то грешно... – внезапно оживившись хмыкнул пророк.

– Постарел в одночасье, а как помочь – не знаю, – граф Г. помрачнел.

– А ты дай ему пока крестик животворный с Иерусалима... где-то у меня тут валялся... А, вот он! – Василий поднялся на своем ложе, порылся в тряпице на комод и достал небольшой крест темного серебра. – Окончательно же снять заклятие может лишь тот, кто наложил его... Ну все, прощай, батюшка. Более ничем помочь не могу. – Василий возлег обратно, отвернулся к стенке и демонстративно захрапел.

– Лиза, пошли! Нам нечего тут делать более! – сурово сказал граф.

В полном молчании они вышли из кельи, прошли двор и ворота, сели на коней и поскакали по серым петербургским улицам. Погода из зимней стала какой-то слякотной и мерзкой. Впереди предстояло увлекательное путешествие в Европу, но оно почему-то не радовало. Прискакав к знакомому зданию на Невском проспекте, охотники за предсказаниями спешили, но к графу Г. немедленно подошел слуга князя. Граф последовал за ним, и вот он уже оказался в золоченой княжеской карете с гербом.

Миг – и холеные лошади, дыша паром из ноздрей, домчали их в Гатчинский дворец. Пройдя анфиладу залов, граф Г., следуя за князем Куракиным, оказался в маленькой приемной. Дежурный офицер пригласил их войти – и впервые изумленный граф увидел восходящее солнце новой русской политики, его императорское величество Павла Петровича, самодержца всероссийского.

Ранее граф Г. видел Павла Петровича только издали, на балах и парадах, так как и сам граф, и будущий император нечасто появлялись в Санкт-Петербурге. Теперь же у него появилась возможность разглядеть его поближе. Император был низок ростом, некрасив лицом, но в движениях его ощущалась бешеная энергия. При появлении в дверях князя Куракина и графа Г. он вскочил как ужаленный и резко указал им на их место подле трона.

– Известно ли вам, граф, что именно у нас пропало? – осведомился император.

– Ваше величество, я слышал... Князь мне все рассказал.

– Вот как! Александр Борисович вам уже все рассказал! Превосходно... Князь в последнее время слишком много говорит, я замечаю... да-с!

– Ваше величество, я... – начал было говорить Куракин, но царь остановил его взмахом руки.

– Я еще не окончил речь. Итак, пропал важнейший предмет – секретная тетрадь, выкраденная у нас при загадочных обстоятельствах. В то время как я не покладая рук тружусь над устройством нового порядка в России, да что там – и во всей Европе, какие то негодяи, мерзавцы, воры срывают мои великие планы! Откуда они узнали про мое завещание, про сию тетрадь? Кто рассказал, кто выдал тайну?! – все больше распалялся император.

– Мы найдем их, ваше величество... мы... – снова начал князь Куракин, но опять император не дал ему закончить.

– Гармония мира, вот чего мне не хватает! Мир утратил гармонию! Император должен быть прежде всего рыцарем... Вместо войн лучше вызывать на дуэль. А революционные идеи, ветры дующие из проклятой Франции, нужно вырвать с корнем! А мне мешают... Но я найду способ объединить народы и империи. И вы мне в этом поможете, граф. Куда бы не поехали негодяи, завладевшие нашим сокровищем, повелеваю – следуйте за ними неотступно! Верните тетрадь, и меня не интересует способ, каковой вы для этого сочтете нужным избрать. Через месяц или через год, но она снова должна очутиться здесь, на этом вот столе! И тогда гармония вновь вернется в сей мир. Идите, я не держу вас далее.

Граф Г. низко поклонился и на цыпочках почтительно вышел из залы. Он подождал у двери не более пяти минут, когда за ним выскочил князь Куракин, отирая лоб тонким белоснежным платком. Платок быстро отсырел, как после бани.

– Вот что, голубчик граф. Скачи-ка ты побыстрее! Государь гневается... Ждать нечего, паспорта тебе уже готовы. Только заедешь к себе, переоденься да и езжай.

– Слушаюсь, ваше сиятельство! – только и сказал граф Михайло и не медля ни минуты вышел из дворцовых покоев.

Глава 8. Галопом по Европам

Доскакав обратно до дворца князя, где проходил его затянувшийся петербургский постой, граф спешился и войдя с мороза в теплый дом, начал мучительно решать техническую, но важную задачу – брать с собой Морозьявкина или не брать? Его форма не внушала доверия в предстоящей экспедиции.

Однако зайдя к нему и применив решительные меры в виде прикладывания крестика к устам, лбу и прочим членам внезапно постаревшего друга, граф был поражен на сей раз чудесным обратным превращением – седина на висках Вольдемара как будто куда-то смылась, щеки порозовели, морщины разгладились, словом он выглядел уже не на семьдесят лет, как недавно, а всего-то на сорок с гаком. Даже может быть и тридцать девять, как у иных дам, которые не решаются перешагнуть заветную планку много-много лет, а то и десятилетий. В общем в таком виде он казался вполне годным к дальним странствиям, которые несомненно предстояли.

Мистические и ужасные силы переполняли сей мир, это было несомненно, но с ними предстояло бороться, а главное – найти заветную тетрадь, в коей может быть заключалось все будущее государства российского и его окрестностей. Сам император был озабочен судьбой сей потешной на первый взгляд писульки, а император был царем всея Вели-

кия, и Малыя, и Белыя, и прочего. Поэтому взгромоздившись на коня, помогая сесть Лизоньке и подсадив все еще нетвердо держащегося на ногах Морозьявкина, граф Г. первым делом осведомился:

– А куда же мы, кстати говоря, сейчас поскачем? Куда ведут следы злоумышленников?

– Следы ведут.... ах, граф, следы ведут в Чухонь! И паспорта нам уже выписаны.

– Следы... черного ба...? – начал было граф, но мамзель Лесистратова оборвала его громким шепотом.

– Не называйте его вслух! Его нельзя называть. Это очень опасно. – при этих словах глаза Лизоньки внезапно округлились и нос будто бы стал острее.

Мисс Роулинг еще не написала тогда своего «Гарри Поттера», таким образом эта фраза еще не успела стать сакральной. Тем не менее, граф Г. недоверчиво усмехнулся.

– Ну что за глупости, Лизончик! Не дьявол же он, в самом деле. Да и все эти фокусы с остановкой времени – наверняка какая-нибудь ерунда! Может он ужасный гипнотизер или травит всех сонным зельем... я скорее поверю в это, чем во всякую мистику, которой пичкаете меня вы и князь Куракин!

– Это вовсе не глупости! Это очень страшно. Да полно вам спорить, взгляните хотя бы на вашего друга Вольдемара – он же поседел за одну бальную ночь...

Граф посмотрел на Морозьявкина. Тот держался молод-

цом, скакал почти не держась за луку седла, но действительно оставался совершенно седым.

— Ну может он поседел от страха, кто знает? Шок, испуг... не скрою, на какое-то мгновение я и сам испугался. Этот вихрь... может просто снежная буря? А негодяй барон воспользовался, украл нашу тетрадь и...

— Ерунда. Никакой бури не было. Я помню, — неожиданно открыл рот друг Вольдемар, и его по-прежнему скрипучий голос несколько сбил с графа с оптимистического настроения.

— Ну не было так не было... Ладно, погнали! — с этими словами граф Михайло пришпорил вороного коня и кавалькада помчалась во всю прыть по разбитой дороге в направлении будущей финской границы.

Въезд в «Чухонь неумытую» произвел на путников самое приятное впечатление. Аккуратно одетые крестьяне смотрели на них по сторонам дорог, правда графу показалось, что глядели они без всякого одобрения. Дело в том, что хотя Финляндия тогда еще и не входила полностью в состав Российской империи как Великое княжество Финляндское, но часть и без того небольшой страны Россия уже успела поглотить, по Ништадскому миру Выборгскую губернию и по Або-скому миру, завершившему русско-шведскую войну, кусок до Кюменя. Так что легкая нелюбовь трудолюбивых но глупых чухонцев к новым хозяевам была вполне объяснима. Северная война пронеслась по здешним местам почти столетие назад, и с тех пор императоры и императрицы не оставляли

вновь присоединенные губернии своим вниманием, всегда выдумывая что-нибудь новенькое.

К счастью и в Финляндии имелись трактиры. Иногда графу Г. даже казалось что вся походная, да и светская жизнь состоит из перемещений из одного кабака в другой, разумеется если не считать дуэлей, драк, светских раутов, романов с красавицами и свинских интрижек с горничными, и прочей отвлекающей ерунды. Во всем чувствовалась основательность и уют, Первым городом, в котором они решили остановиться на ночлег, был городок с обычным финским названием Лаппеенранта, крупный по местным меркам. Как раз в августе 1741 года под Лаппеенрантой шведы потерпели от российских войск преужасную конфузию, поэтому по Аббосскому мирному договору городишко вместе с землями до реки Кюмене перешел под власть двуглавых орлов. Раскинулся он на берегу живописного озера Сайма. Собственно когда-то это было всего лишь торговое поселение и вообще спорная территория.

Граф Г. решил сочетать приятное с полезным и пожелал насладиться всеми достопримечательностями края одновременно с погоней за таинственным Черным бароном, чьего имени нельзя было произносить вслух и в существовании которого он уже начал было сомневаться. Весь личный состав маленькой экспедиции, вырвавшись из объятий Петербурга, тоже казалось настроился на более веселый лад. Серая хмарь морского воздуха с Финского залива была уже временно за-

быта, в природе одержал верх зимний озерный аромат. На берегу озера расположилась почти новая, построенная десяти-ток лет назад, православная церковь. Граф, увидев ее, снял шляпу и набожно перекрестился. Заметив это, мадемуазель Лесистратова улыбнулась загадочной улыбкой Джоконды.

– Как, граф Михайло, разве вы верите в господа?

– Я истинно верующий сын церкви! – горячо откликнулся граф на маленькую провокацию.

– Не могу поверить! О вас ходили такие слухи... При таком успехе у женщин верить следует скорее в дьявола, чем в сына господня!

– О, что вы, Лизонька, какой успех... все это было в далекой – кгм – молодости. А сейчас одни воспоминания, – поскромничал граф Г... – А что касается веры, то воистину только господь спас меня от преждевременной женитьбы. Так что я с тех пор горячо уверовал!

Лизонька только усмехнулась на эти речи. Ее серая в яблоках лошадь прятала уши и слегка ежилась от холода. Вообще она смотрелась очень выигрышно в беличьей шубке, кокетливо накинутой поверх амазонки. Ее щеки покраснели от мороза, а голос привлекательно звенел. Морозявкин вдруг очнулся от своей обычной в последнее время апатии и глядел прямо как генерал Суворов – молодцом, несмотря на возраст. Его голос уже почти не скрипел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.